

Подари мне пламя. Белая ворона

Автор:

Дана Арнаутова

Подари мне пламя. Белая ворона

Дана Арнаутова

Сумерки Мидгарда #2

Выполняя требования шантажистов, Маред Уинни соглашается стать временной любовницей лэрда Монтроза. Лэрд предлагает ей карьеру в любимом деле, его враги – свободу и месть за унижение. Скромная студентка превращается в уважаемого профессионала, робкая девушка – в желанную женщину. Однако на Монтроза идет охота: его фирму пытаются отнять, а таинственный убийца присылает ему свои страшные трофеи. Что выберет Маред – исполнение мечты или безопасность, предательство или любовь к человеку, видящему в ней всего лишь игрушку? Внимание: вторая книга цикла "Подари мне пламя".

ПРОЛОГ

Тик-так, тик-так... Серебряные стрелки старинных напольных часов замерли на двенадцати. Бом! Далеко за окном над Лунденом раздался первый удар колокола Большого Тома. Бим-бам! – вторили им часы... Полдень! Время ланча для деловых людей, а мастеровым и пообедать пора, они давно на ногах. Бом! Бом! Славься, город Лунден, сердце Империи! Процветай под мудрым правлением великой королевы! Бом...

Последний удар башенного колокола погас в душном летнем воздухе. Но в кабинете дорогой ресторации было прохладно, а приятный сумрак берег уставшие от безоблачного знойного дня глаза посетителей.

– Значит, вы уверены, что студентка нас не подведет?

Немолодой человек в темном форменном камзоле одной из важнейших государственных служб покрутил в пальцах бокал с вином, разглядывая его на свет. Поднес к лицу и вдохнул, оценивая букет благородного напитка.

– Исключено, ваша светлость, – почтительно отозвался его собеседник, не притрагиваясь к своему бокалу. – Тьена Уинни собирается делать карьеру в юриспруденции, и любой скандал для нее означает гибель всех надежд. Вот если бы она была актрисой, например, или дамой полусвета, фотографии с Монтрозом эту самую карьеру неплохо бы подтолкнули. Тьена бы нас еще поблагодарила.

Лэрд милостиво улыбнулся, оценив шутку.

– Ну, хорошо. А если эта провинциалочка перестанет ненавидеть Монтроза? Ненависть – штука эфемерная... У девиц она часто улетучивается, если негодяй хорош собой или не жаден. Александр кружил головы и не таким женщинам. Помнится... Впрочем, неважно. Если она в него влюбится?

– Тогда, ваша светлость, – ответил собеседник, – мы просто изменим подход. Если тьена Уинни не выполнит наши указания из мести и ради будущих выгод, мы объясним ей, что иначе пострадает сам Монтроз. Уверяю вас, любые чувства, которые провинциальная мышка начнет испытывать к Монтрозу, мы сумеем обернуть в свою пользу. Девушка достаточно умна, чтобы быть полезной, но совершенно неопытна в отношениях с мужчинами.

– А вероятность того, что она влюбится, вы тоже рассчитали? – усмехнулся лэрд, пригубив вино.

– О, ваша светлость, эта вероятность всегда равна одной-единственной пропорции, – позволил себе еще одну почтительную шутку собеседник. – Пятьдесят на пятьдесят. Либо влюбится, либо нет. Женское сердце, знаете ли...

Про себя он подумал, что вероятность данного исхода равна практически ста процентам, погрешностями можно пренебречь. Гораздо сложнее рассчитать, что Монтроз, при его характере и склонностях, сделает с девчонкой, которая его предаст? Ничего хорошего, можно ручаться.

– Вот в том и дело, – слегка поморщился лэрд, снова отпив из бокала. – Слишком много неопределенностей. Я понимаю, почему нельзя было использовать его фаворитку, она глупа и истерична. Понимаю, почему вы не сунулись к его любовнице из клуба – та, напротив, умна и слишком тесно связана с Монтрозом. Но зачем вообще использовать именно женщину? Что, больше ни у кого нет доступа к тому, что нам нужно? Его подчиненные, слуги в особняке...

– Слуги – слишком большой риск, что попадутся или что-то напутают. Экономка ему предана, как и единственный техник, имеющий доступ к нужной нам информации.

Собеседник лэрда в очередной раз вздохнул про себя, вынужденный объяснять столь очевидные истины. Все-таки его начальник в некоторых отношениях безнадежно отстал от прогресса, мысля категориями доастероновой эпохи и своей развеселой юности.

– Главная сложность в том, – продолжил он проникновенно, – что нельзя привлечь внимание самого Монтроза. Мы в безопасности, только пока он сам не помнит, каким сокровищем обладает. Когда попытка просто купить его контору со всем содержимым провалилась, я вас предупреждал, что это риск. Но тогда нам повезло, Монтроз слишком обожает свое детище, он даже предположить не смог, что его драгоценный «Корсар» нужен кому-то не сам по себе, а как обертка к чему-то другому. Если он поймет, что нам требуется...

– Тогда проблему можно будет решить иначе, – жестко сказал лэрд, и маска скучающего расслабленного аристократа на миг слетела с него, обнажив истинное нутро – хищного зверя, задремавшего, но в любой момент готового вцепиться противнику в горло.

– Это на самый крайний случай, милэрд, – тихо сказал его собеседник, преданно глядя в светло-голубые, словно выцветшие, глаза с красными прожилками – след не злоупотребления алкоголем, как считали непосвященные, а очередного покушения, на этот раз ядом. – Королевский стряпчий Монтроз не та фигура, которую можно убрать безнаказанно. У него в копилке столько тайн, что при любом намеке на их раскрытие половина Лундена кинется искать нового владельца своих секретов. А нам рано использовать этот козырь. Притом он любимчик королевы. Только Паучьей службы ее величества не хватает в нашей маленькой интриге. Нет, ваша светлость, умоляю вас! Можно покупать, грозить, шантажировать... Но только не убивать. Пока – не убивать.

– Не считайте меня дураком, милейший, – бросил лэрд, поднимаясь из кресла. – Я не хуже вас понимаю, что стоит на кону. Помните о сроках. Все должно закончиться к Лугнасаду. А если из-за Монтроза сорвется сами знаете что, нам обоим смерть покажется милостью.

– Я помню, ваша светлость, – прошелестел его собеседник, тоже вскакивая с проворством, удивительным при его солидном телосложении. – Все идет по плану, уверяю вас!

Проводив высокого гостя к выходу из кабинета, он вернулся к столу, одним махом выпил свое вино, как обычную воду, скривился. Неудачный год был для виноделия. Только такие зазнавшиеся снобы, как его светлость, поднявшиеся из грязи на волне Великого Взлета и купившие титул за несколько вагонов астерона, могут ценить вино за громкую марку, а не за истинные качества. Впрочем, это мелочи. Главное, что удалось убедить лэрда не торопить события. Сейчас начало лета, до Лугнасада еще почти два месяца. За это время хорошенькая провинциалочка принесет им искомое, как обученная цирковая собака. Его светлость – идиот. Вещь можно украсть, и она будет принадлежать новому владельцу. Опасность знаний в том, что их можно копировать, и каждая копия обладает все тем же смертельным действием. Ничего, если к Лугнасаду все разрешится в их пользу, то еще через пару месяцев, к Мабону, его светлость сам окажется на таком прочном крючке у своего скромного помощника, что не сорвется никогда.

– Ах, милая-милая тье Уинни, – сказал он вслух, заглядывая в пустой бокал. – Скромная вдовушка. Провинциальная глупышка, мечтающая о карьере стряпчего. Ну кто мог знать, что один из блистательнейших кавалеров Лундена клюнет на такое забавное существо?

* * *

Стук в дверь был негромким, но очень настойчивым. Достаточно долгим, чтобы Маред проснулась, приподнялась, встряхнув головой, и поняла, что лежит в своей постели. Ах да, она же уснула здесь вчера после того, что было в ванной.

– Войдите! – откликнулась она, ожидая горничную.

– Ваш утренний кофе, тье, – услышался мужской голос, и Монтроз собственной персоной нахально вошел в ее комнату. Одетый в легкий шелковый халат, с еще влажными после купания волосами, лэрд королевский стряпчий выглядел расслабленным и довольным жизнью.

Окинув взглядом Маред и одеяло, которое она натянула почти до носа, лэрд сообщил:

– Вы удивительно сладко спите, я стучал минуты три.

– А вы решили исполнить роль горничной, ваша светлость? – настороженно съязвила Маред, следя за мужчиной. – Я не пью кофе в постели.

– В самом деле? – удивился лэрд. – Почему?

В его руках действительно была чашка. Белоснежная, изящно-хрупкая, дымящаяся. Пахло от нее так, что Маред невольно сглотнула слюну.

– Предлагаю обмен, – весело предложил Монтроз. – Вы дегустируете новый сорт, сваренный тье Эвелин специально для вас, а я сажусь рядом и развлекаю нас обоих светской беседой. Ну что вы вцепились в одеяло? Я и так прекрасно помню, что вчера вы легли без ночной рубашки.

Не дождавшись разрешения, он присел на кровать, закинув ногу на ногу, и протянул Маред чашку.

– Вы говорили, что это моя комната! – возмущенно выпалила Маред, не притрагиваясь к кофе.

– А разве нет?

Убедившись, что вытаскивать руки из-под одеяла она не собирается, лэрд вздохнул, поставил чашку на подоконник рядом с изголовьем кровати и развернулся к Маред. Кофе благоухал на всю комнату, и Маред снова сглотнула слюну, но упрямо отвернулась. Корица, кардамон, еще что-то...

– Я ведь могу просто пригласить вас к себе в спальню, – сказал Монтроз негромко и подозрительно мягко. – По условиям нашего договора вам придется встать, накинуть что-нибудь... Или даже не накидывать – так будет гораздо забавнее. Раз уж вам не нравится мое присутствие здесь – продолжим там. Хотите?

– Что вам нужно?

Маред попыталась отодвинуться к стене, но кровать была слишком узкой. Зато Корсар сразу сел ближе, словно она нарочно освободила ему место.

– Чтобы вы перестали выпускать иголки хоть ненадолго. Я всего лишь принес вам кофе. И честно собирался этим ограничиться. Но теперь, моя дорогая тье, мне и вправду стало интересно.

Закусив губу, Маред смотрела, как его рука тянет одеяло за край, снимая его, и ничего не могла сделать. Монтроз в своем праве. Да, это ее комната, но если она выставит его сейчас, лэрд просто позовет ее в спальню. Прохладный воздух облил ее, как вода, с головы до кончиков пальцев рук и ног...

– Так я и думал, – улыбнулся лэрд, глядя на нее, словно кот, играющий с мышкой пока еще мягкими лапами. – Вы прелестно смотрите спросонья. Такая милая, растрепанная, теплая и разомлевшая. Но вот просыпаться совершенно не умеете. Пожалуй, кофе в постель мы введем в ранг обязательного действия. Как и кое-что другое. Подвиньтесь еще немного, будьте милой девочкой.

– Разве вы не спешите на работу? – прошептала Маред, с тоской понимая, что надо было соглашаться на кофе и попробовать заболтать его светлость какими-нибудь женскими глупостями – а теперь поздно.

Подвинувшись к самой стене, она снова попыталась укрыться, но Монтроз отпихнул одеяло подальше и лег рядом. Маред кинуло в жар. Она лежала совершенно голая, а шелк халата не скрывал ни одного изгиба тела Монтроза. Если кто-нибудь войдет... И вообще – что он собирается делать? То, что не успел или не захотел вечером?!

– Разумеется, спешу, – согласился королевский стряпчий, проводя ладонью по ее боку от груди до талии. – И вскоре мне придется вас покинуть. Но не прямо

сейчас. Что вам снилось?

– Не помню.

Медленно и откровенно его ладонь вернулась вверх, погладила одну грудь и перешла к другой. Маред стиснула зубы – от сонливости не осталось и следа. Внизу живота от уверенных ласк Монтроза стало горячо, в щеки бросилась кровь, и соски напряглись с вызывающим бесстыдством. Хуже всего, что лэрд прекрасно это видел.

– Утро – лучшее время дня, – шепнул он, поглаживая ее плечи и шею, потом проводя пальцами по щеке Маред. – Не бойся, никто не войдет, пока я не позвоню. Может, заставишь меня опоздать?

– Ну что вы... – выдохнула Маред, отчаянно пытаясь отвлечься. – Вам этого нельзя, вы же начальник. С вас берут пример!

Лэрд хмыкнул, прижимаясь еще теснее, и сказал все так же весело:

– Какая ты молодец, девочка! Очень правильное понимание роли начальника. Тогда постараюсь побыстрее. Колени раздвинь.

Вспыхнув до ушей, Маред подчинилась, попытавшись отвернуться, но лэрд не позволил. Просунул руку, на которую облокотился, под шею Маред и мягко, но неумолимо повернул ее лицо к себе. Другой рукой погладил ее живот и бедра. Наклонился, и поспешно зажмурившаяся Маред почувствовала на губах его теплые сухие губы. По спине пробежали мурашки даже сильнее, чем от ласк внизу, которые Монтроз и не думал прекращать. Гладя ее бедра внутри, он пока не трогал самое сокровенное место, но подбирался к нему все ближе легкими уверенными движениями. А потом негромко сказал:

– Поцелуй меня. И будь добра, по-настоящему, а не чтобы отделаться.

Изнывая от стыда, Маред неловко потянулась, уговаривая себя, что ничего нового в этом нет. Она ведь целовала Монтроза, и даже не раз... Внизу, где ее ласкали бесстыдные пальцы, уже разгоралась томная сладость возбуждения. Маред осторожно ткнулась губами в рот Монтроза, стараясь, чтоб не вышло

слишком поспешно, и понимая, как глупо это выглядит.

– Обними, – подсказал ей невидимый из-за плотно прикрытых век лэрд. – Положи руки на плечи. Давай, девочка. Вот так... И колени согни.

Маред повиновалась, желая только, чтобы это быстрее закончилось. Неужели все-таки потребует отдаться ему прямо сейчас? Ну да, а чего он еще может захотеть от обнаженной женщины, которую держит в объятиях?

Она неловко и скованно от смущения закинула руки на горячие твердые плечи лэрда, погладила их, слегка согнула колени, чувствуя себя ужасно глупо и пошло. Покраснела еще сильнее, хотя казалось, что больше просто некуда. Судорожно вздохнула, когда чуть шершавые пальцы скользнули в ее увлажнившееся лоно и снова вернулись к самому входу в женское естество, трогая, гладя, касаясь и дразня. Монтроз ласкал ее умело и бесстыдно, пользуясь откровенностью позы и при этом отвечая на поцелуй, по сравнению с тем, что творилось внизу, совершенно целомудренный.

От этого контраста хотелось то ли вжаться в постель, уклоняясь от бесстыжей руки, то ли податься ей навстречу, раздвинув ноги еще сильнее.

– Так, девочка, хорошо, – шепнул Монтроз, оторвавшись от ее губ и проходя цепочкой легких поцелуев от уголка рта и по щеке к виску. – Нравится? Утро должно начинаться приятно. Может, покажешь, как ты любишь? Сама...

Маред испуганно мотнула головой. Тронуть себя там? Только не это!

– Трусилка... – насмешливо протянул лэрд. – Ладно, оставим на будущее. Ты сейчас такая красивая, что жаль портить удовольствие. Тогда просто посмотри на меня. И не смей закрывать глаза. Если закроешь, мы все-таки опоздаем, потому что тогда я тебя возьму по-настоящему.

А пока он не собирается? Маред поспешно распахнула ресницы. Взглянула в мучительно близкое лицо: серебряный расплав зрачков, тяжелые веки, узкие губы. Уже настолько знакомое лицо, что если бы умела, нарисовала бы по памяти каждую морщинку в уголках глаз и рта. И совершенно непонятное при этом, непредсказуемое. Вот о чем сейчас думает Монтроз? О ней, Маред? Или о работе? Или еще о чем-то? Глаза – непроницаемое серебро.

– Вот так, да, – согласился лэрд, вытворяя пальцами что-то невообразимое, а ведь всего-то начал гладить по кругу, нажимая в какое-то место, от которого словно посыпались искры удовольствия. – Не отводи взгляда, девочка моя. И руки не убирай. Колени – шире...

Едва сдерживаясь, чтобы не стонать, Маред вжалась спиной в постель, приоткрыв рот, задыхаясь от тягучих томных волн, заставляющих подаваться вперед. Стыд, не исчезнув, переплавился в особенно острое и горячее наслаждение, и Маред невольно дышала в одном ритме с движениями чужой руки, не отрываясь от пьяного взгляда напротив, утопая в нем и с жарким изнеможением понимая, что стоит лэрду захотеть большего, он это просто возьмет – и Маред не воспротивится.

Нет, она по-прежнему не хотела принадлежать королевскому стряпчему! И скажи сейчас Монтроз, что их контракт расторгнут, Маред бы убежала из особняка пешком, едва натянув свое старое платье. Но прямо сейчас все стало совершенно неважным, кроме восхищенных глаз напротив и капельки пота на виске ласкающего Маред мужчины, прямо на бьющейся тонкой голубой жилке. Да, лэрд был и оставался извращенным негодяем и мерзавцем, но он хотел Маред, как никто и никогда ее не хотел, и это искреннее яростное желание будило в самых глубинах естества что-то темное и непристойно желанное...

И в какой-то момент жаркий сладкий прибой, прокатывающийся по телу, все-таки накрыл ее целиком, смывая остатки стыда. Глухо вскрикнув, Маред подалась навстречу, ткнулась лицом в горячий камень мужского плеча, сцепив пальцы на спине лэрда, задыхаясь и млея в горячей волне, бьющей из глубины ее собственного тела. Пальцы свободной руки Монтроза вплелись ей в волосы, властно потянули голову назад, и Маред покорно раскрыла губы, подставляя их под поцелуй, дыша запахом чистого мужского тела, смешанным с запахом кофе. Рассудок терялся от такого сочетания!

– Понравилось? – голос отстранившегося Монтроза был ровным и почти равнодушным, не вяжущимся с явным возбуждением.

Маред невольно облизнула губы, с тоской думая, что врать – глупо.

– Нет, – упрямо сказала она.

– Тогда скажи «благодарю, милэрд», – так же равнодушно предложил Монтроз, садясь на постели. – Раз уж не хочешь благодарить, как любовница, поблагодари, как прислуга.

Ну почему? Почему ему нужно было все так испортить? Парой слов свести все к пошлости и гадости куда сильнее, чем любой непристойностью до этого!

– Премного благодарна! – прошипела Маред, сбрасывая томное расслабление. – Правда, я вас об этом не просила! Но все равно очень благодарна! Пустите!

Она зло уставилась в лицо Монтроза, насмешливо и холодно скривившего губы.

– Милэрд, – скучающе напомнил стряпчий. – Это нетрудно, просто повтори.

– Благодарю, милэрд, – процедила Маред, отворачиваясь. – Можно мне теперь посетить ванную?

Ее трясло от ненависти и отвращения, причем не к Монтрозу, а себе недавней, разомлевшей, покорной, растаявшей. К тому безвольному существу, жадно ловящему внимание и ласку, словно это что-то значило и для нее, и для лэрда стряпчего. Одно хорошо: всякая тень удовольствия исчезла, растворилась в нахлынувшем омерзении.

– Можно, – безмятежно согласился Монтроз, откидываясь на подушки. – Только потом вернись сюда.

Прищурившись и закинув руки за голову, он следил за Маред, пока она торопливо куталась в просторный длинный халат.

Когда она яростно, до красноты, оттерлась под горячей водой и вернулась, Монтроз все еще лежал на кровати. А в комнату явно заходила горничная. Чашка с подоконника исчезла, но на столике у кровати стоял поднос с завтраком. Гренки с маслом и джемом, кофе – другой, обычный, сладости... Маред замерла у кровати, исподлобья глядя на Монтроза и раздумывая, как бы вежливо уклониться, – завтракать в компании лэрда стряпчего ей совсем не хотелось.

– Садись и ешь, – сказал тот обыденно, будто ничего и не было между ними, и постель смята просто от беспокойного сна. – Характер уже показала, теперь можешь расслабиться. Надеюсь, на вечер силы и настроение остались?

– Остались, – с вызовом буркнула Маред, не подходя к кровати. – Но позвольте напомнить, что если вы можете решать, опаздывать вам на службу или нет, я такого удовольствия пока лишена.

– Я помню, – улыбнулся лэрд. – Не беспокойся, мы успеем. Я действительно разбудил тебя слишком рано, девочка.

Он встал и прошел мимо Маред к двери, не обращая внимания на халат, прихваченный только поясом и распахнувшийся, обнажая грудь и ноги.

– У тебя еще есть время, – бросил на ходу. – Позавтракай и одевайся, я буду ждать у мобилера.

Только когда шаги в коридоре окончательно затихли, Маред в изнеможении снова села на кровать. Было стыдно за все, что здесь произошло. А еще до глупых слез обидно за прекрасный кофе, который горничная унесла нетронутым. Тье Эвелин обидится, наверное... Или нет. Все равно – утро испорчено. Чтоб его светлости провалиться!

Но как же он это делает? И неужели так может быть всегда, как только захочешь? Почему же Эмильен никогда...

Маред приложила ладони к горячим щекам и с тоской посмотрела на завтрак. Вдруг она все-таки успеет теперь поесть? Хотя бы кофе выпить...

ГЛАВА 1. Тени прошлого

Когда-то, на заре общего предприятия, была у них с Мэтью подцепленная неизвестно откуда присказка: если долго не занимаешься делом, дело начинает заниматься тобой. «Боуги знает чем оно начинает заниматься», – уточнял Мэтью, неспешно разгребая накопившиеся неурядицы. Он все делал медленно и с незыблемой надежностью, подолгу обдумывая, просчитывая и отмеряя не семь раз, как советует пословица, а все семьдесят семь.

Алекс же метался по поставщикам и клиентам, не расставаясь с фоном ни на минуту, держа в памяти десятки, если не сотни, номеров, адресов и связей, лавируя в море пересечений нужных людей и служб. И при этом всегда знал, что Мэтью прикроет ему спину, взяв на себя чудовищный груз уже отлаженной ежедневной работы. Зато там, где нужно было думать на бегу, протискиваясь в случайные щели и ловя такие же случайные возможности, равных Сутяге Алексу, тогда еще не Монтрозу, не было.

Однажды, не посоветовавшись с Мэтью, – решать пришлось на месте и мгновенно – Алекс вырвал из пасти у конкурентов сказочно выгодный контракт. Вырвал, сам шалея от собственной наглости: их крохотная транспортная конторка должна была из кожи вон вылезти, чтобы забрать срочный груз, застрявший в аравийском порту. В морских перевозках оба ни баргеста не разбирались, но Монтроз хотя бы с детства бредил морем, да и по-аравийски мог объясниться кое-как. В основном, конечно, ругательствами, что еще можно выучить у докеров и моряков?

Поэтому в Эль-Магриб отправился он, пока Мэтью на берегу выбивал перевозку по железной дороге: дело хлопотное, но уже знакомое. Несколько суток Алекс дневал и ночевал в прокаленном солнцем порту, выцарапывая груз. Изучал и подписывал бумаги, совал деньги всем, кто отвечал за передачу, а затем срывал голос на грузчиков, мешая бриттскую ругань с аравийской, и сам помогал таскать увесистые ящики... Затем он две недели спал в пропахшем ядреным мужским потом кубрике, мылся соленой водой, ел вместе с матросами пайковую солонину, запивая дешевым слабеньким вином, слушал морские байки и сам рассказывал о жизни в Лундене.

И довел все-таки, дотащил старенький, набитый под завязку сухогруз до нужного места – а там его уже ждали те самые конкуренты, резонно рассудив: к чему трепыхаться раньше времени, ведь наглый юнец и так везет груз именно туда, куда надо. Мэтью должен был приехать из Лундена утром, сухогруз пришел в порт накануне вечером, и Алекса спасли те самые моряки, у которых он за время пути стал своим, не хозяином, а таким же, как они, обычным парнем, отчаянно пытающимся выжить в хаосе Большого Взлета.

Это они, углядев на пирсе крепких ребят с обернутыми кожей дубинками, подняли тревогу и помчались выручать лунденца, не думая, что чужой товар не стоит их жизней. Потом, вспоминая ночь, разрезанную прожекторами и воем корабельной сирены, что врубил капитан, Алекс понимал, что и жизнью, и

спасением проклятых контейнеров обязан простым работягам с раздолбанного, отслужившего свой век сухогруза. Тем, кто прикрыл его собой от наемников, пока Алекс с холодной ясной тоской думал, что если ему сейчас открутят голову и заберут груз, Мэтью придется платить неустойку, которая похоронит контору.

А утром приехал Мэтью с бумагами и охраной, и Алекс, до рассвета хлеставший со своими спасителями бренди под все ту же разогретую на спиртовке солонину, встретил его на пирсе. Корриган только хмыкнул, напоказ втянув ноздрями воздух, протянул: «Ну, корсар...», увесисто хлопнул его по плечу могучей лапищей и отправил отсыпаться. Груз ушел по назначению, и Алекс, уезжая, оставил на сухогрузе сверх оговоренной платы все наличные, что смог выгresti у себя и Мэтью. Потом в Лундене серьезные люди выразили неудовольствие такой прытью двух оборванцев из Западного района, но это уже было делом Мэтью – разбираться с подобным, Алекс же снова искал очередные контракты. И все шло как надо, и через год-два «Виадук» уже был хорошим, крепким именем в перевозках.

Вот тогда Алекс и сказал, что уходит. Что хочет заниматься тем, к чему лежит душа, а не тем, что только кормит. Мэтью понял, он давно ждал этого, видя, как партнер каждую свободную минуту сидит с книгами, ездит в Университет и выматывается до черных кругов под глазами, пытаюсь совмещать частные уроки и работу. Понял – и не обиделся. Они полюбовно разошлись, Мэтью честно и в срок выплатил его долю, пусть и постепенно. И никогда не узнал, что была еще одна причина, по которой Алекс решил держаться от лучшего друга подальше.

Причину звали Маргарет. Ясноглазая тоненькая смуглая валлийка улыбалась так, что для Алекса вечно пасмурный Лунден сиял, как знойный Эль-Магриб. Только вот улыбалась она не ему. На свадьбе Маргарет и Мэтью Алекс был почетным гостем – разумеется. И воспитанником их единственного сына. У него на глазах Мэтью с Маргарет прожили пять завидных лет. Алекс приходил к ним отмечать праздники, баловал маленького Виктора, сорванца и всеобщего любимца. Видел счастье в глазах Маргарет, отчаянно похорошевшей после родов, и сам был счастлив горько-сладким счастьем отречения. Совесть его была чиста: он бы лучше умер, чем бросил тень разлада между двух самых дорогих ему людей.

А через пять лет, когда Алекс уже крепко стоял на ногах и привычно отшучивался на вопросы, когда осчастливит какую-нибудь девушку предложением, Мэтью Корриган похоронил жену. Внезапная и быстротекущая

болезнь крови. Лучшие целители, человеческие и эльфийские, только глаза отводили – что-то там было безнадежное в диагнозе... И солнечно-лучистая небесноокая Маргарет сгорела за пару месяцев: превратилась в тень, а потом тихо ушла, в одном из последних разговоров попросив Алекса присмотреть за ее непутевыми мужчинами. Алекс, старательно и умело улыбаясь, обещал присмотреть, пока она не вернется из больницы, ведь обследование – это сущие пустяки! И она, всегда и все понимающая, тоже улыбнулась с теплой и нежной благодарностью.

Мэтью больше не женился – и Алекс его понимал. Привести кого-то в дом после Маргарет? Для него это тоже было бы кощунством. Впрочем, женщины у Корригана были, конечно. Только ни одна не смогла ему родить, и вторым ребенком Корригана стал его «Виадук», как единственным у Монтроза – «Корсар».

Теперь, годы спустя, странно, сколько воспоминаний может вызвать расхожая фразочка о делах. Алекс отпил горячего сладкого чая, облокотился о перила балкончика, глядя на влажные клумбы под окном, ловя последние спокойные мгновения перед выездом на работу, и невольно задался вопросом, что сейчас делает Мэтью? Вот так, через годы дружбы, почти родства... как он мог? Какая прибыль стоит того, что было между ними? Редчайшего, бесценного чувства, что рядом есть человек, на которого можно положиться во всем.

Помнится, милая тье Уинни спрашивала, как Алекс поднимался вверх. Вот так и поднимался, вырывая каждый шанс взобраться еще хоть на ступеньку. Но это все слова, а как рассказать про темный жаркий азарт, когда удачная сделка висит на волоске и лишь от тебя зависит, вытянешь ли ее? Как рассказать хотя бы про ту ночь на пирсе?

Алекс поставил чашку на широкие перила, повернул руку ладонью вверх и всмотрелся в белую сетку мелких шрамов, исчертивших ее нижний край у самого запястья. Это уже было потом, почти перед самым уходом из «Виадука». Хлопотная выдалась погрузка, не проще той, эль-магрибской. Только рядом был Корриган. Алекс тогда сдуру схватился за металлический трос, и тот, дернувшись, изорвал кожу ладони в лохмотья. В первые мгновения показалось – не больно, затем хлестанула кровь, руку обожгло, а во рту стало горячо и сухо. Когда все закончилось, Мэтью промыл ему руку все тем же неизменным бренди, ругая по-черному за тупость – разве можно хвататься за трос, как дитя малое – Алекс же только глупо улыбался, и перед глазами плавали цветные

круги, а ноги дрожали от запоздалого страха.

Он сделал еще глоток уже остывшего чая, покатав на языке пахнущую ликером жидкость. Когда-то казалось: вот разбогатеет – и станет есть только сладости, таким недостижимым удовольствием они были в приюте. Разбогател и быстро наелся. Но привычка и любовь к сладкому чаю остались, как и уверенность, что он получит все, чего по-настоящему захочет. От особняка и мощного «Драккаруса» до подарка ко дню рождения – смуглой голубоглазой девчонки, что сейчас яростно ненавидит его, завтракая у себя в комнате.

С подарком, кстати, не все было ладно. Вчера вечером девочка так и отказалась от ужина, только пролепетала что-то неразборчивое на попытку ее разбудить и замоталась в одеяло, как гусеница в кокон. Для молодой здоровой девушки так устать после почти невинного развлечения в ванной комнате – странно. Впрочем, нет, это он сглупил. Ясно же, что девчонка просто вымоталась за годы непрерывной тяжелой работы. Сколько там она написала этих проклятых дипломных работ? И наверняка отказывала себе во всем. Знакомая история...

В кармане тренькнул фониль, сообщая о письме. «Доброе утро, милэрд, и хорошего вам дня». Что это с Незабудочкой? Проснуться так рано – да проще предположить, что Флория и вовсе не ложилась. Алекс нажал кнопку вызова.

– И тебе доброе утро, моя прелесть.

Незабудка, вряд ли ожидавшая звонка, восторженно защебетала, и Алекс поморщился от неожиданного чувства вины. Нежная, ласковая, так искренне покорная и наслаждающаяся этим... Пожалуй, Флория с ним далеко не только ради денег, уж это он определить мог. Но как же с ней... скучно. «Именно скучно», – понял вдруг Алекс, откликаясь на милую болтовню фаворитки, что-то отвечая сам и не особо вдумываясь в смысл разговора. Все, что могла сказать Незабудка, он знал и так: очередная вечеринка, где она блистала, новая коллекция платьев от дорогой модистки, немножко сплетен... Все мило и простенько... Или нет? словно неверная нота, какое-то слово в потоке щебета прозвучало фальшиво – и Алекс насторожился. О чем это Флория? Серия камерографий? У тьена АрМоаль? Того самого? Ах, тьен Венсан сам предложил? И уже Венсан, просто по имени?

– Ты согласилась? – поинтересовался он.

– Нет, милэрд, – томно откликнулась Незабудка. – Без вашего разрешения? Как я могла?

– Вот и хорошо. Ничего пока не обещаю, моя прелесть. И не встречайся с тьеном АрМоалем без меня. Поговорим, когда увидимся.

– Да, мой повелитель, – игриво и жарко выдохнула в трубку фонилия Незабудка, услышав обещание. – Я буду ждать...

И стоило бы действительно с ней встретиться и порадовать вниманием, только где взять время? Сегодня он обещал тье Уинни визит в школу вождения мобилеров. А потом обещал ей же еще кое-что – и при одной мысли об этом в паху сладко потянуло от предвкушения. Но Незабудка...

Алекс поморщился, глотнул совсем остывший и потерявший вкус чай. С Незабудкой – как с этим чаем – все остыло. Так ли нужно допивать выдохшийся напиток, пусть и сладкий, с любимым ликером, если можно заварить свежий, ароматный и горячий? Только вот Флория все же не чашка чая и не вещь, сколько ни сравнивай ее со статуэткой.

Оба обещания – учеба вождению и вечерние развлечения – выполнить не удалось, так уж сложился день. Алекс, разумеется, отвез хмурую и настороженную Маред на службу, снова заблаговременно высадив подальше от конторы. Сам же поехал в полицейское управление, разыскивать детектива, ведущего дело об убийстве в «Бархате». Однако доблестного служителя закона на месте не отказалось, его не менее доблестные коллеги только руками разводили, и на звонки по фонилию детектив тоже не отвечал. Судебный эксперт пока ничего определенного сказать не мог, и Алекс только напрасно потерял время. Да и вообще, дело по поводу взрыва еще не завели по всей форме, и были все основания надеяться, что его признают несчастной случайностью. Тоже ничего приятного для респектабельности заведения, но все же сущие пустяки по сравнению с убийством. А вот если не признают...

Выруливая на бульвар Принцессы ап Гилмаринен, Алекс мрачно думал, что совершенно неясно, кто и чего добивается подобными играми. Со взрывом астерона все по чистой случайности обошлось без жертв. Убивать людей, чтобы испортить репутацию клубу, который сам же хочешь купить? АрМоаль не похож ни на безумца, ни даже на обычного дурака. И зачем ему именно «Бархат»?

Опытный ресторатор не может не понимать, что душа «Бархата» – Анриетта, лишившись ее, клуб утратит большую часть очарования. Да, это неплохое коммерческое вложение, но посетители клуба для удовольствий – очень капризная клиентура, больше всего ценящая безопасность и внимательный подход к нуждам и желаниям каждого. АрМоаля же в Лундене пока не знают, и репутацию ему придется создавать почти с нуля.

Алекс включил ветрогон: начиналось время духоты. Свернул с бульвара, пропустив роскошный экипаж со смутно знакомым гербом – две лошадки в нарядной сбруе процокали мимо, качая султанчиками. Важный кучер в раззолоченной ливрее не удостоил мобилер Монтроза даже взглядом, но из окна кареты выглянула хорошенькая девица и тут же, манерно прикрыв личико веером, спряталась обратно. А Алексу вспомнился искренний и трогательный восторг в глазах тье Маред, впервые севшей за руль мобилера.

Он невольно улыбнулся воспоминанию. Кто бы мог подумать, что смешную провинциальную девочку покорят не дорогие наряды, а скорость и мощь механического экипажа! Почему-то это было очень приятно. А еще хотелось бросить душный летний Лунден и увезти Маред Уинни в Шарин-Шахр, в гости к Сармади. Катать ее на легком белокрылом паруснике, чтобы соленый мокрый ветер дул в лицо, любоваться украдкой, а потом улучшить момент и подхватить губами капли воды со смугло-золотистой кожи. Девочке на диво пойдут аравийские одежды, в цветных и белоснежных шелках она будет прекрасна, как сказочная пери. А еще можно отправиться с ней в знаменитые подводные пещеры, где шейхи-владыки города выстроили в толще воды галереи из чистейшего толстого стекла – новое чудо света – и их гости могут увидеть чудеса подводного мира. Алекс помнил, как впервые увидел эти пещеры – ожившую сказку. Девочке понравилось бы!

Но об этом пока приходилось только мечтать. А еще – браться за баргестовы дела, пока они и в самом деле не взялись за нерадивого лэрда стряпчего. И потому Алекс поехал в мэрию, потратив еще пару драгоценных часов на дорогу и разговор с помощником мэра, от которого требовалось только одно: не мешать «Корсару» заключить контракт с франкской фирмой, решившей вложить капитал в крупный бриттский страховой дом. Причем Алекс подозревал, что франки этот страховой дом собираются постепенно купить, а значит, работать с ними предстоит долго и, даст Луг, взаимовыгодно. Франков «Корсар» тоже устраивал, и камнем преткновения была только мэрия, желавшая участвовать в дележе еще не полученных дивидендов.

Алекс, напротив, не собирался подпускать чиновников к основной прибыли, разве что однажды купить их благосклонность... Именно это и мог устроить лэрд Макмиллан, человек невероятного влияния и твердых коммерческих принципов, чей внучатый племянник пришел в «Корсар» на стажировку. В итоге дело решилось одним звонком в лунденскую резиденцию Макмилланов, после чего Алекс вернулся в кабинет ставшего необычайно любезным помощника мэра и спокойно подписал с франками договор о сотрудничестве, пообещав первые разработки через две недели.

Двух недель для такого масштабного проекта было бессовестно мало, так что Монтроз уточнил: почтенным клиентам покажут первоначальную концепцию юридического сопровождения инвестиций, зато не один проект, а несколько, чтобы было из чего выбрать.

В контору он вернулся как раз к обеденному перерыву. Нарочно прошел через кофейню, надеясь увидеть там тье Уинни, и угадал: девчонка с пустым подносом в руках мялась у прилавка, а рядом вился фатоватый хлыщ с неприятной улыбкой, смазливый и похожий на рекламу мужского парфюма. «Тоже из практикантов, – вспомнил Алекс. – Что ж, вполне естественно. Тье Уинни хороша собой, а теперь, в приличном платье и правильно причесанная, вовсе превратилась в чрезвычайно эффектную особу. Неудивительно, что она нравится мужчинам. Более того, это правильно»... Но настроение все же испортилось.

Поднявшись к себе, Алекс вызвал главу контрактно-корпоративного отдела Кормака Даффи и отдал ему документы по франкам, велел объявить конкурс на разработку проекта. Все как обычно: документы в свободном доступе внутри отдела, заявки на участие и работа хоть парами, хоть по несколько человек, хоть лично, если – Алекс подчеркнул это с должной долей небрежности – найдутся такие смельчаки. Как там, кстати, практиканты? Если молодой Макмиллан решит участвовать, следует уделить юноше как можно больше внимания – проект находится под покровительством его клана. Ну, и остальным новичкам тоже, конечно...

Когда дверь за Кормаком закрылась, Алекс немного посидел, облокотившись на стол, упираясь подбородком в сплетенные пальцы рук и глядя в окно. Что его так разобрало? Не собирается же он запереть тье Уинни в клетку без возможности общаться с противоположным полом? Мир стряпчих – это мир мужчин, а девушке следует обзаводиться полезными знакомствами, и лишить ее этого – подло и глупо. Главным образом – глупо. И совершенно неясно, откуда

вообще взялось подобное желание: ему всегда было безразлично, с кем проводит время Флория или фаворитки и любовницы до нее. Лишь бы не болтали лишнего и не делали особых глупостей. Но Маред...

Алекс поморщился, и тут зазвонил фониль. На экранчике высветился не подписанный именем номер, прекрасно известный наизусть. Алекс поднес трубку к уху, почти радуясь возможности отвлечься от мыслей о Маред Уинни.

– Хорошего дня. Как дела?

– Да вот, – донесся из трубки безмятежный голос Кон Аннуина. – Подумал пригласить тебя выпить пива. Как отнесешься?

– Всегда рад, – отозвался Алекс, ничуть не покривив душой. – Когда?

– Когда сможешь, – усмехнулся Сид. – Подозреваю, у вашей светлости время расписано по минутам?

– У меня три свободных часа прямо сейчас, – с деланным возмущением отозвался Алекс, глянув на список дел в ежедневнике. – В парке?

– Подходит, – с той же ленцой согласился Сид. – Жду.

Парк для встреч они выбрали давным-давно, а имена и названия по фониле Сид вообще никогда не называл, и Алекс привычно соглашался с мнением того, кто в этом деле понимал лучше. Береженого боги берегут. «А небереженого в тюрьме стерегут», – добавляли обычно его клиенты из прошлой жизни. И тоже были правы.

Когда Алекс добрался до парка, Сид уже ждал его на любимой скамейке с неизменной бутылкой в руках. И выглядел со стороны обычным, ровно ничем не примечательным горожанином средних лет без капли нечеловеческой крови. Так, мелкий клерк, выбравшийся ненадолго выпить пива с приятелем. Может даже из-под крыла супруги и подальше от выводка детишек: было в рабочем облике Сиды что-то этакое, неизменно респектабельное и добропорядочное. Полиция, например, к нему никогда не цеплялась, словно не замечая.

– Холодное? – уточнил Алекс, присаживаясь рядом и забирая свою бутылку, протянутую Сидом.

– Ты бы еще к вечеру приехал. Погреба здесь нет...

Но пиво, несмотря на ворчание Сида и летнюю духоту, от которой не спасала и парковая тень, оказалось холодным.

Алекс потянул волоконец вяленой трески, лежащей между ними на бумажном пакете, кинул в рот, прожевал и сделал первый, задающий тон всем последующим, глоток. Горьковатый темный эль скользнул вниз мягко и правильно, оставив послевкусие, мешающееся с соленым вкусом рыбы. Отхлебнув еще раз, он покатал жидкость на языке, смакуя, проглотил, откинулся на спинку скамьи и выдохнул:

– Хорошо как, Лугом клянусь! Где ты такой эль берешь? Сколько раз покупал эту же марку – а все не то.

– Значит, не в той компании пил, – хмыкнул Сид, тоже отхлебывая из бутылки. – Или не в том настроении. Правильный эль требует уважения и должного расслабления души. Хотя можно поспорить, что является первичным: пиво или расслабление.

– Да ты философ, – лениво отозвался Алекс, наслаждаясь редким моментом спокойствия и зная, что торопить бесполезно: Сид расскажет, что и когда сочтет нужным, и чем меньше упорствуешь, тем быстрее наступит данный момент. – Проповедник дрожжей и солода.

Сид улыбнулся, извлекая из кармана ключ-камень:

– Что ж, истину можно искать где угодно, почему бы и не в солоде? Прости, Алекс, мне нечем тебя особо порадовать. Кое-что я вынюхал, но совсем мало. Да и то все мутное.

– Ну, выбирать не приходится, – пожал плечами Алекс, глядя на блеск реки в просвет между деревьями.

– Тоже верно.

Отставив пиво, Сид откинулся на спинку скамьи, по-прежнему выглядя совершенно разморенным жарой. Продолжил неторопливо:

– По темным дорожкам за твоими работниками я погулял, но не нашел ничего особенного. Это не значит, конечно, что они образец добродетели. Там, на камне, сам посмотришь. Кто-то тайком от законной супруги содержит молоденькую фаворитку, кто-то всерьез и часто заходит в игорный дом. Вроде бы мелкие слабости, но использовать их может кто угодно. Сам понимаешь...

– Понимаю, – согласился Алекс. – Сид, а есть ли что-то такое, о чем я должен был узнать от начальника охраны своей конторы, а не от тебя?

– Да, пожалуй, и нет, – подумав, признал полуэльф. – Ничего особенно грязного или опасного. Если он у тебя держит дела и людей под присмотром, то все в пределах допустимого. А вот с Корриганом сложнее. Я верно понял, что это твоя главная забота на сегодня?

– Верно, – тихо согласился Алекс, невольно подбираясь. – Что насчет него?

– Почти ничего. Корриган твой – зверь пуганый, осторожный, к нему так просто не подобраться. Охрана у него не хуже твоей, а то и лучше. Но есть слуги и клерки... В общем, проскользнуло мимо меня, что у Корригана есть женщина, которую он прячет.

– Зачем? – искренне удивился Алекс. – Или дама замужем?

– В том-то и дело, что нет. Совершенно свободная особа. Только вот работает то ли в «Корсаре», то ли на Корсара. А ты и твоя контора – один баргест, сам понимаешь.

– Это точно? – помолчав, спросил Алекс и сделал глоток, чувствуя, как моментом выдохлось пиво, потеряв всю свою прелесть. – Что про нее еще известно?

– Это точно, – негромко уронил Сид, крутя в пальцах пустую бутылку. – И больше пока не известно ничего. Разве что денег на свою пессию тьен Корриган не

жалеет, а дама предпочитает в качестве презентов драгоценности. Собственно, в ювелирном магазине я этот след и взял... И еще неизвестно, что их связывает, кроме постели. Может, она с Корриганом только роман крутит, а контора ни при чем. Хотя вряд ли...

– Вряд ли, – согласился Алекс. – Давай подумаем... Женщин у меня в фирме не так много. А привлекательных еще меньше. Разве что секретарша какая-нибудь? Вот среди них много молодых и хорошеньких.

– Молодая и хорошенькая скорее охотилась бы на наряды, – заметил Сид. – А драгоценности дарят дамам зрелым, знающим себе цену, и без того обеспеченным. Хотя, конечно, бывают и исключения. Есть и молоденькие хищницы, копящие дорогие побрякушки. Кто из пристрастия к ним, а кто на старость. Лучше думай о том, что если Корригану от любовницы нужны не только постельные утехи, то вряд ли он будет использовать простую девицу-секретаршу, у тех не так много доступа к важным документам.

– Ясное дело, – усмехнулся Алекс. – Но наверху у меня женщин еще меньше. Не с Эстер же он крутит. Разве что... Лэрис? Ты ее проверял?

– Твою королеву счетов? А как же! Но она бестия умная, такую лису за хвост не поймает. Я продолжу работать, Алекс. У меня все так же полные полномочия?

– Разумеется! Погоди, – встрепнулся Алекс, видя, что Сид уже встает. – Еще одно дело. Это не срочно, просто хотелось бы узнать... Ко мне в контору пришла некая тье. Зовут ее Маред Уинни. Вдова, студентка Университета, работает в «Корсаре» на практике. И спит со мной.

– Думаешь, тебе ее подсунули?

– Уверен, что нет. Я сам эту девочку выбрал и долго уговаривал. Либо ее подвели очень тонко, либо тье Маред – лучшая актриса столетия, прима Императорского театра ей и в горничные не годится. И то, и другое – совсем не похоже. Но ты все-таки покопайся в ее прошлом. Я хочу знать, как погиб ее муж. И нет ли там еще каких темных историй.

– Это, как я понимаю, личное? – бесстрастно уточнил Сид.

– Да, – подтвердил Алекс. – Очень личное. Мои люди в конторе о нашей связи не знают – и пусть не знают дальше.

– Сделаю. Это все?

Алекс кивнул. Пожал протянутую на прощанье руку – сухую крепкую ладонь с мозолями, набитыми везде, от ребра ладони до кончиков пальцев. Вот разве что по рукам понимающий человек мог бы многое сказать о Сиде Данше, Кон Аннуине, одном из лучших частных сыщиков Лундена. И втором лучшем друге Алекса. Друге еще из приютского детства, когда они спина к спине дрались против таких же приютских мальчишек, голодных злых зверьков, признающих только силу и жестокую готовность защищать свое. Это с Сидом Данше они вместе убегали в город и там, заработав первые собственные деньги, ели что-то, кроме опостылевшей казенной баланды, и пили свое первое пиво. С Сидом же они пилили ножки для табуреток, а потом сколачивали их под рычание вечно похмельного воспитателя, бывшего матроса. И каторгу он предрекал им обоим, кстати, потому они и туда собирались вдвоем, только жизнь рассудила иначе. Жизнь пошутила, как за ней это водится...

Остаток дня прошел как-то сумбурно, без привычной четкости – залога успеха в делах. Наконец-то соизволил позвонить детектив, ведущий дело об убийстве официанта, и Алексу пришлось возвращаться в управление. Через полчаса знакомства с бумагами – на дорогу и то ушло больше времени – он убедился, что заподозрить метрдотеля в убийстве мог только человек, страдающий полной умственной непригодностью к полицейской работе. Или страстно желающий избавиться от дела, найдя первого попавшегося жертвенного агнца на роль убийцы. Была еще третья возможность: детектив мог выполнять чей-то заказ с целью скомпрометировать клуб, но это Алекс пока что всерьез не рассматривал, отнесся в область болезненной подозрительности.

Так или иначе, детективу хотелось отправить Ксавье на каторгу, а появление королевского стряпчего этому мешало. У Алекса даже настроение улучшилось, пока он с упоением исследовал документы в поисках процессуальных нарушений, а потом по пунктам предъявлял их погрузневшему полицейскому. Напоследок он затребовал доклад эксперта и предложил детективу пари: угадать, на какой минуте судебного заседания данное дело рассыплется с позорным треском?

Так что в «Бархат» Алекс приехал довольным. Время неуклонно двигалось к вечеру, хотелось есть, а клубная ресторация почти не уступала его любимому «Азимуту». Заглянув по дороге в злосчастное помещение, где взорвался астерон, Алекс оценил скорость и качество ремонта, поздоровался с дежурным метрдотелем, сегодня это был Тьерри, и поднялся наверх.

Анриетта была у себя. Алекс вошел – и замер. Задернутые в разгар дня плотные шторы, открытая, но непочатая бутылка на столе... Анри, свернувшись в кресле клубочком, поджав под себя ноги, задумчиво вертела в руках бокал, словно решая: налить в него бренди или грохнуть хрусталь о стену. Появление Алекса подсказало третий путь: вздохнув, Анри поставила бокал на широкий подлокотник кресла.

– А я собиралась безобразно напиться, – меланхолично сообщила она, поднимая глаза к рожку астероновой люстры и внимательно, как в первый раз, разглядывая его. – Собиралась-собиралась...

– И как? – поинтересовался Алекс, обходя стол и бесцеремонно присаживаясь на него напротив кресла Анриетты. – Собралась?

– Увы. Вон, видишь, бутылка уже час стоит. Открытая. А пить не хочу. Не стоит оно того.

– Тебе виднее, – согласился Алекс, поднимая бутылку за горлышко и прихлебываясь. – Отличный бренди. Тогда угости меня. Я бы выпил немного, но только за обедом. Спустимся в ресторацию?

– Не хочу, – снова вздохнув, призналась Анри. – Хотя если с тобой... Ты не против, если я прикажу накрыть здесь? Никого другого не хочется видеть.

– Как пожелаешь, – покладисто согласился Алекс, спрыгивая со стола и подходя к окну. – Только пообедаем вдвоем.

Он чуть потянул золоченый шнур штор, пуская в комнату солнце, – ровно настолько, чтобы можно было выключить бьющий по глазам астероновый свет. Вернулся к столу. Анри уже говорила по внутренней связи. В молчании они дождались пары официантов из ресторации клуба. Один из пареньков быстро застелил стол белоснежной накрахмаленной скатертью и помог второму

расставить дымящиеся тарелки. Когда прислуга ушла, Алекс указал взглядом на бутылку. По этикету, разумеется, наливать спиртное полагалось ему, а не даме, но это был кабинет Анри, и Алекс не собирался посягать на ее хозяйские права.

Анриетта, сев в кресле уже благопристойно, плеснула в бокалы на два пальца жидкого золота, махом выпила свой бренди, прислушалась к чему-то внутри и принялась за жаркое. Алекс цедил крепкий напиток медленнее, смакуя, потом тоже взялся за мясо.

Ели молча, лишь изредка перебрасываясь ничего не значащими фразочками: какого цвета обои заказать для коридора возле взорванной комнаты, мясо сегодня шеф-повару удалось на славу, да и спаржа прекрасна, с делом Ксавье все хорошо – иначе и быть не может... Отодвинув пустую тарелку, Анриетта плеснула в бокалы еще бренди и выцедила свой по глоточку. Что бы ни мучило ее, оно уходило: заблестели глаза, напряженные плечи расслабились под мягким светлым шелком блузы, Анри даже в кресле села мягче и спокойнее. Взглянула на бутылку, явно раздумывая, не налить ли еще, но на вопросительный взгляд Алекса покачала головой.

– Нет, не стоит. Все прошло. Спасибо...

– Всегда к твоим услугам, – улыбнулся Алекс.

Встав, он снял с кресла Анри так и оставленный там первый бокал, сел на подлокотник, обнял за плечи прильнувшую к нему женщину. Склонился к макушке с простой изысканной прической, вдохнув чуть горьковатый запах духов от волос и кожи. Шепнул, коснувшись губами гладких смоляных прядей:

– Что случилось, милая?

– Ничего, – глухо отозвалась Анри, замерев в его объятиях. – В самом деле, Алекс, ничего. Сущие пустяки.

– Пустяки, из-за которых ты хотела напиться? Пустяки хуже убийства и взрыва?

Пару минут они так и сидели молча, Анри все теснее прижималась к Алексу, ее плечи снова закаменели. Потом она тихо сказала:

– В клубе сегодня был посетитель. Один из тех... кто меня... Я с тех пор его не встречала, была уверена, что этой твари нет в Лундене. А вот надо же...

– Он тебя видел? – спокойно уточнил Алекс, поглаживая плечи любовницы сквозь ткань медленными ритмичными движениями.

– Нет, – выдохнула Анри. – Он был в зале, я случайно заметила его сверху, с лестницы. И не стала спускаться... Алекс, говорю же, ничего не случилось. Просто... я не ожидала... Немного перенервничала. Ты знаешь, со мной это бывает.

– Бывает, – согласился Алекс, с сожалением подумав, что напрасно не поступил тогда более жестко.

Да, добраться до них было слишком сложно. А потом время затянуло раны, ублюдки притихли, кое-кто вовсе покинул Лунден. Да и Анри, казалось, выздоровела не только телом, но и душой. Почти выздоровела, так он думал. Оказалось, он был неправ. Впрочем, напиваться Анриетта, как ей ни было плохо, не стала. А все остальное – это теперь дело Алекса. Сегодня вернуться в коттедж к тье Уинни не выйдет. Жаль, но не бросать же Анри в таком настроении.

– Он ушел почти сразу, – монотонно и тихо продолжила красавица-сирена. – Мне кажется, он вообще заглянул случайно. Но если вернется...

– То получит по физиономии от охраны, – с деланным равнодушным спокойствием закончил Алекс. – И баргест с ней, с репутацией клуба. И вообще, если в «Бархате» какой-то мерзавец схлопотал по физиономии, то дело не в клубе, а в физиономии – разве можно в этом усомниться?

Незамысловатая древняя шутка неожиданно помогла: Анри отозвалась смешком, расслабилась и уже всерьез потянулась к Алексу, повернувшись и обняв его. Губы у нее восхитительно пахли бренди, мягкие, упругие, зовущие. Целуя, Алекс провел кончиком языка по нижней губе Анри, чуть прижал зубами. Спросил в самое ухо, расчетливо грея его дыханием:

– Оставишь дела на метрдотеля? Можем сегодня поиграть...

Вот так и вышло, что, позвонив Эвелин и сообщив совершенно не расстроенной этим тье Уинни, что сегодня ее заберет присланный водитель, Алекс на весь остаток дня и вечер расположился в клубе. Занялся делами, проверил накопившиеся документы, потом спустился в общий зал. Анри, окончательно придя в себя, летала по клубу экзотической птицей, рассыпая улыбки и знаки внимания, очаровывая каждым движением и словом.

Алекс же, удобно устроившись за любимым угловым столиком, полускрытым драпировкой шторы, потягивал легкий коктейль и вспоминал, смирившись, что сегодня прошлое упорно всплывает в памяти и наяву.

С Анри его тоже познакомила Шэннон, попросив о помощи как стряпчего. История гнусная, но во времена Большого Взлета очень частая. Молодая красавица-танцовщица, приглашенная на частную вечеринку, и пьяная компания золотой молодежи, искренне полагающей, что им дозволено все. Будь Анри опытнее, она могла бы использовать свое очарование сирены, либо успокоив подонков, либо напугав, но у девчонки-полукровки не хватило сил и умения, а потом стало поздно. Танцы закончились зверским насилием. Немного протрезвев, юные лэрды бросили девушку в мобилер, вывезли за город и оставили в придорожных кустах, рассудив, что не обязательно пачкать руки, добывая жертву, – и так не выживет.

Неизвестно, кто из богов сжалился, но Анри повезло трижды. Во-первых, до дороги было недалеко – ублюдки поленились нести тело – и она смогла выползти на королевский тракт раньше, чем потеряла сознание. Во-вторых, октябрьской ночью холод от земли уменьшил кровотечение. И в-третьих, возле окровавленной голы девушки не побоялась остановиться супружеская пара, возвращавшаяся в Лунден из загородного имения. Мужчина оказался профессиональным целителем, а в экипаже был ящик с медикаментами и кое-каким инструментом. Сделав все возможное, великодушный лекарь отвез Анри в больницу, где работал. Когда девушка пришла в себя, ее навестила полиция. Но на расспросы Анри не отвечала, отделяясь коротким «не помню», а учитывая ее род занятий и наполовину нечеловеческую кровь, стражи порядка не стали копать слишком глубоко. Подумаешь, недовольный клиент избил девку-танцорку, наверняка подрабатывающую и другими услугами. Доказывать, что до этой ночи Анриетта Ресколь была невинна, уже не имело ни малейшего смысла.

Алекс пришел в больницу один, представившись персоналу семейным стряпчим больной. Выложил на столик у кровати сочные магрибские апельсины и

шоколад, сел на краешек застиранной больничной постели. Глянул в потухшие болотно-зеленые глаза, окруженные «очками» кровоподтеков на распухом лице. Если девушка, которой его попросили помочь, и была красива, сейчас ее бы никто так не назвал. Негромко, медленно и спокойно сказал:

– Доброго дня, тье Ресколь. Меня зовут Александр Монтроз. Кое-кто называет меня Корсаром. Если вы обо мне не слышали, можете попросить рекомендации у Шэннон ап Дилвери. Я ваш стряпчий, и пока что у меня только один вопрос: мы будем предъявлять обвинение или договариваться о возмещении убытков? Иначе говоря, что вам нужнее, месть или деньги? Подумайте хорошенько, тье, я навещу вас завтра. Кстати, вашей матушке сообщили, что вас сбил экипаж. Целителям о соблюдении врачебной тайны я уже напомнил, так что все особые обстоятельства останутся секретом. И если вам что-то понадобится, прошу не стесняться – ваше лечение оплачено, включая услуги сиделки.

Ему пришлось прийти еще не раз, прежде чем Анриетта заговорила. Время, конечно, уходило, но Алекс все равно работал по этому делу. Он еще не был королевским стряпчим, но уже считался человеком, которому стоит оказывать услуги. Через неделю Анри начала говорить, глядя в пустоту за его плечом и немилосердно шепелявя сквозь выбитые передние зубы. Алекс нашел нотариуса и камеру для записи, с которой научился работать сам. С нотариально заверенными показаниями, камерографиями и врачебным заключением он отправился наносить визиты.

Не к самим юношам, конечно, а к их старшим родственникам. Был вежлив, бесстрастен и очень убедителен. Объяснил, как им повезло, что девушка, которую изувечили их дети и племянники, согласилась на компенсацию. Нет, она не шлюха, просто танцовщица. Да, милэрды, разница есть. Нет, она бы непременно подала в суд, если бы не больная мать, которой бедное дитя зарабатывало на дорогое лечение. Последнее было чистейшей правдой – и заключение доктора о здоровье тье Ресколь-старшей он тоже предусмотрительно подготовил.

Дальше он объяснил, что, исчезни вдруг Анриетта или откажись от своих показаний, это уже ни на что не повлияет, потому что у него, Александра Монтроза, репутация человека, который доводит дела до конца. Есть заверенные показания, есть свидетели и доказательства, и если с ним или Анри что-то случится, все это мгновенно попадет к нужным людям. Например, королевским следователям. А еще к вашим почтенным соперникам в

Парламенте, милэрды, которые чрезвычайно обрадуются подобному козырю в борьбе за общественную нравственность. Ваши стряпчие? Прекрасно! Он будет только рад обсудить это с ними.

Да, Алекс рисковал. И вести переговоры пришлось долго. Но Анриетта просила не так уж много, куда меньше, чем стоит репутация почтенного графского рода, например. Милэрды навели справки о выскочке-стряпчем и милостиво согласились оказать помощь несчастной девушке, пострадавшей... под колесами экипажа. Монтроз от лица Анри твердо обещал похоронить эту историю. Ему самому куда больше хотелось похоронить ее виновников, но руки были коротки, а Анри отчаянно нуждалась в деньгах на лечение себе и матери.

Он пришел в больницу в последний раз все с теми же апельсинами, которые Анри все-таки ела. Рассказал все, отдал чек на внушительную сумму, улыбнулся, пожелал выздоровления и встал.

– Подождите, мэтр, – окликнула его Анри, все так же упорно глядя мимо. – А сколько я должна вам?

– Нисколько, – пожал плечами Алекс. – И если позволите, это не обсуждается. Во-первых, это была просьба нашего общего друга Шэннон. Во-вторых, наказать негодяев, хотя бы так умеренно, это то, что придает моей работе смысл.

Анри впервые посмотрела на него прямо, изумрудными эльфийскими глазами, лихорадочно горящими на смуглом лице, с которого сошли уже все следы побоев. Зубы у нее тоже выросли заново – одно из преимуществ сирен. И теперь Анриетта Ресколь снова была очень красива. Просто завораживающе...

– Я говорила о вас с Шэннон, – сказала она, глядя на Алекса в упор. – Если не хотите денег, я могу рассчитаться иначе. Тем, что вы ищете в особых клубах. Если, конечно, не брезгуете. После всего, что я... что со мной...

– Какая совершенная чушь, – хмыкнул Алекс. – Вы моя клиентка, тье Ресколь. А я стряпчий и должен соблюдать определенные правила нашей гильдии. Иначе я давно стоял бы под дверью вашей палаты с розами, прося о свидании. Вы любите розы, тье?

– Нет, – честно от растерянности сказала Анри.

– Тогда все усложняется, – картинно вздохнул Алекс.

Он снова присел на постель, уже застеленную свежим хорошим бельем, хоть и больничным, взял ладонь Анри – легко, ненавязчиво. Склонился и поцеловал тонкие смуглые пальцы. Попросил, подняв голову и глядя в удивленные глаза:

– Никогда не повторяйте глупости насчет оплаты, прошу вас. Не обижайте меня. Я был бы счастлив встретиться с вами не как стряпчий. Но вы вряд ли этого захотите, потому что мое присутствие будет невольно вызывать у вас неприятные воспоминания.

– Я... вам позвоню? Как-нибудь... – шепотом спросила Анри, снова отводя взгляд и заливаясь краской.

Алекс достал визитку и положил на тумбочку рядом с недоеденным апельсином.

– В любое время и по любому поводу. Я буду ждать, поверьте. Возможно, вам захочется просто поговорить за чашкой чая или кофе.

Она позвонила через две недели после выписки. Приняла приглашение в кофейню, была тихой, застенчивой и очень напряженной. Но согласилась встретиться еще раз, и еще. Потом они увиделись на одной из вечеринок Шэннон...

Алекс допил коктейль, подумал, не заказать ли еще один? Нет, не стоит. Алкоголь – вещь коварная, а он обещал Анри «поиграть». И от этой-то порции придется протрезветь, прежде чем начинать. Он глянул на лежащий рядом с бокалом фониль. Час до полуночи. Еще немного – и можно забирать Анри из зала, здесь вполне справятся без нее.

ГЛАВА 2. Связи, которые скрепляют мир

Провести целый вечер и всю ночь одной выглядело щедрым подарком Бригитты. Не иначе, богиня смилостивилась над непутевой дочерью, весь день усердно постигавшей премудрости новой работы. Маред так обрадовалась, что даже не сожалела об отмене обещанной учебы вождению. Тем более что это лэрд стряпчий не обязан был ни предлагать, ни обеспечивать. Это уже шло

неожиданным бонусом к их контракту... А если у лэрда дела в Лундене, так тем лучше для Маред. Сегодня она свободна!

Без хозяина в особняке даже дышалось легче – так ей показалось. И можно было заняться чем угодно, так что после ужина Маред, слегка стесняясь, попросила подать ей кофе в комнату. Белоснежный с золотом кофейник и такая же фарфоровая чашка, две вазочки с разным печеньем, бонбоньерка, полная сладостей... Экономка успела заметить и пристрастие Маред к конфетам с ликером, и то, что она не пьет кофе с молоком и сахаром. Такое внимание было то ли приятно, то ли пугающе.

Отпустив горничную, Маред забралась с ногами на кровать и открыла вычислитель. Придвинула ближе столик, чтобы не держать чашку на весу – не дай боги плеснуть на драгоценное устройство. Откусила печенье, теплое и божественно пахнущее корицей, но с сожалением положила остальное обратно, понимая, что крошки от рассыпчатой сдобы непременно полетят на клавиши, а чистить их – дело хлопотное. Ну и ничего страшного, все равно конфеты она любит больше.

Монтроз, поberi его боуги, и в этом был прав: пить кофе в постели, пусть и не спросонья, – редкое удовольствие. Осторожно доставая конфеты из обертки губами, чтобы не пачкать пальцы, Маред наслаждалась покоем и личным, только ей принадлежащим временем.

Для начала она открыла на вычислителе контракт с лэрдом стряпчим и внимательно перечитала. Снова, уже спокойно и внимательно, перелистала картинки с инструментами для причинения боли и удовольствия. Сверив их перечень со списком в приложении к контракту, убрала то, на что согласилась бы только под угрозой смертной казни. Долго колебалась, но все-таки оставила несколько. В основном из тех, что делают больно. Боли, как ни странно, Маред не боялась. Да и сомнительно, чтобы лэрд применял пыточные инструменты: ему больше нравится издеваться над ее душой, а не телом.

С особым ожесточением был вычеркнут пункт о камерографиях. Нет уж! Ни в коем случае! И никого постороннего во время интимных действий. Одна мысль, что кто-то может увидеть, как Монтроз с ней развлекается, вызывала страх и тошноту. А камерографии... Теперь она знает, как это опасно.

Маред поежилась, одним глотком допив кофе, словно смывая его вкусом мгновенную горькую оскомину. Налила себе еще чашку. И, закончив все, что можно было сделать без участия лэрда, задумалась, чем заниматься дальше. Что там лэрд изволил сказать про то, что нужно знать человека, от которого зависишь? О, Маред умеет учиться тому, чему научиться стоит. Она с удовольствием последует совету.

Конфеты и печенье были забыты, только кофе Маред торопливо допила, не в силах просто бросить. Выскользнув из комнаты, она прошмыгнула в библиотеку, чувствуя знакомый азарт исследователя.

Газеты! И журналы... Конечно, они нашлись во множестве. Толстые подшивки уважаемых изданий, обычные ежедневные выпуски новостей. Маред оглядела стеллаж со стопками прессы и содрогнулась. Она за неделю это не просмотрит. Ну хорошо, а вот и знакомый справочник! «Деловой Лунден» – бесценная вещь для тех, кто умеет им пользоваться.

Не отходя от полки, Маред ринулась листать страницы. Юридический дом «Корсар», владелец... Вот оно! Справочник был пятилетней давности. На тот момент его светлость лэрд Монтроз уже числился не просто королевским стряпчим, но и личным экспертом ее королевского величества в области корпоративного права. А еще членом Европейского законодательного собрания – почти совета небожителей в области международного правоведения. А «Корсар» занимал седьмое место в рейтинге юридических предприятий Великобритании. Ох...

Но это все официальные данные, их можно найти в любой публичной библиотеке. Маред же хотелось узнать больше о самом Александре Монтрозе. Что-нибудь, что позволит лучше его понять и даст хоть маленькую фору в игре беспомощной мыши и холеного вальяжного кота.

Она закрыла справочник и задумчиво обвела библиотеку взглядом. Может быть, искать следует не здесь? Почему не попробовать подружиться с кем-нибудь из прислуги? Уж те всегда знают о хозяевах массу интересного. Но чутье подсказывало, что горничные с ней откровенничать не станут, очень уж сдержанно они держались, говоря только о прическах и нарядах.

Маред прошла вдоль стеллажей с книгами, вернулась к прессе... Взгляд упал на ровную стопку журналов. Яркие глянцевые обложки не обещали респектабельности, лишь обычные сплетни...

Она решительно потянула стопку к столу в углу. Пролистала один журнал, второй, скользя взглядом по заголовкам и строчкам в поисках знакомых имен. И нашла! «Светская хроника империи», как пышно звался журнал, состоял из нескольких разделов: придворные новости, новости искусства, жизнь провинции... А вот и описания столичных развлечений. На очередной яркой камерографии лэрд Монтроз держал под руку ослепительно красивую блондинку в темно-голубом платье. Девушка смотрела прямо в камеру и была явно рада вниманию газетчиков. Подпись гласила: «Его светлость лэрд Александр Монтроз и его прекрасная спутница тьеды Флория Бёрнс на открытии выставки Королевского технического общества».

Маред вздохнула с невольной завистью. Может, она фейри? Хотя бы полукровка, раз имя человеческое? Ну не может у обычной девицы быть такой нежной фарфоровой кожи, словно сияющей изнутри. Белокурые волосы уложены в изящно небрежную прическу и словно вот-вот разлетятся, но каждая прядка лежит именно там, где лучше всего подчеркивает линию шеи и овал лица. Глаза – синие, огромные и очаровательно наивные под пушистыми ресницами, румянец на щеках едва угадывается, никакой вульгарной красноты. Фигура тоненькая, но с безупречными округлостями во всех нужных местах. Флория Бёрнс... Кто она лэрду? Случайная спутница или та самая фаворитка? И неужели Монтроз может пренебречь такой красавицей в пользу Маред? Променять очарование, нежность и изысканность на...

Маред закусила губу, отложив журнал. Посидела немного, стараясь успокоиться, и снова решительно развернула яркие страницы. Старательно не глядя на камерографию, вчиталась в статью. Конечно, о личных отношениях лэрда стряпчего и красавицы тьеды там не было ни слова. Обычная заметка о гостях, посетивших выставку. И с чего, кстати, Маред взбрело в голову, что лэрд пренебрегает блистательной тьедой Бёрнс? Он вполне может встречаться с ними обеими.

Снова закусив губу, Маред продолжила перебирать журналы. Перекопала всю стопку и нашла еще целых три доказательства, что тьеды Бёрнс – далеко не случайная спутница на один вечер. Репортерам явно нравилось снимать их. Оно и понятно, темноволосый, слегка смуглый Монтроз и хрупкая фарфоровая

блондинка восхитительно смотрелись вместе. Значит, все-таки фаворитка – кого еще лэрд мог бы так часто выводить в свет?

Маред пожала плечами, аккуратно вернув журналы на место. Это не ее дело, верно? Грустно и смешно: она, респектабельная вдова, и для лэрда, и для общества стоит на лестнице сословных отношений гораздо ниже тьеды Бёрнс. Та открыто гордится мужским вниманием, а Маред вынуждена прятаться и стыдиться того, какой ценой покупает будущую обеспеченную жизнь.

Вкус конфет, до сих пор стоявший во рту, вдруг показался приторно-неприятным, Маред зябко поежилась. Как же хорошо, что Монтроза сегодня нет дома. Как ужасно, что завтра он вернется. Но до следующего вечера еще много времени, и днем она снова будет работать. Показать себя на службе – единственная радость, которую у нее никто не сможет отнять.

Анриетта поднялась наверх немного за полночь. Улыбнулась ему и провела ладонями по щекам, словно стирая усталость. После того обеденного бренди она больше не пила, хоть и фланировала по залу с бокалом коктейля в руке. Но это так, больше для видимости... Алекс уже и сам совершенно протрезвел, но все равно минут десять простоял под струей прохладной воды, избавляясь от напряжения после долгого дня.

– Я в ванную, – сказала Анри, кладя на стол отключенный фониль.

Алекс молча кивнул, сидя в кресле и с закрытыми глазами крутя в пальцах привычную тяжесть даблиона, – неизменный талисман не только приносил удачу, но и помогал настроиться на особое состояние духа.

Откинув голову на высокую спинку, он дождался мягких шагов по ковру и уронил даблион в карман брюк. Анри молча замерла у двери спальни, ожидая распоряжений. Игра у них всегда была одной и той же, но ведь любые правила в постели – просто холст для совместно творимого рисунка страсти.

– Иди сюда, – не открывая глаз, велел Алекс, переходя на нужный тон: мягкий и спокойный, но не допускающий и тени сомнения, что можно ослушаться.

Анри покорно подошла, опустилась на колени рядом с креслом. Алекс положил ладонь на ее плечо, обтянутое тонкой рубашкой, вдохнул теплый нежный аромат волос. Погладил спину: между лопаток и вниз, потом снова вверх до основания шеи. Провел тыльной стороной ладони по прохладной щеке Анри к виску. Спросил:

– Зачем ты здесь?

– Чтобы подчиняться, – последовал тихий ответ.

– Верно, – согласился Алекс. – Что ты для меня сделаешь?

– Все, – выдохнула Анри. – Все, что пожелаете...

– Какая хорошая девочка, – усмехнулся Алекс, по-прежнему не открывая глаз, чтобы уловить самые тонкие оттенки ее голоса. – Жаль, что сегодня мне больше по вкусу плохие. Ты сможешь быть непослушной, сладкая моя?

– Как прикажете...

Судя по томным мягким придыханиям, Анри уже ступила на темный путь страсти. В играх такого рода ей требовалось совсем иное, нежели Незабудке. Боль – потом, когда возбуждение овладеет телом и душой полностью, да и то совсем чуть-чуть, как пряности к основному блюду. Больше всего Анри необходимо было покоряться, чувствовать над собой чужую власть, проходить по тончайшей грани между насилием и добровольным подчинением. Эта игра для двоих показалась бы жестокой и грязной любому, кто увидел ее со стороны, не зная правил. Но Анри она приносила если не исцеление, то временное облегчение старой боли.

– Как прикажу, верно, – снова согласился Алекс, подкрепляя похвалу еще одним поглаживанием по щеке и открывая, наконец, глаза.

Запустив пальцы в длинные, чуть влажные волосы Анри, он потянул голову женщины назад, чуть наклонился, заглядывая в лихорадочно блестящие глаза с расширенными от желания зрачками. Под его взглядом Анри, одетая в одну лишь белую кружевную рубашку, прогнулась назад еще сильнее, развела

колени...

– Рано, – скучающим тоном сообщил Алекс. – Тебе придется попросить, чтобы я захотел с тобой развлечься. Очень хорошо попросить. Плохие девочки заслуживают не награды, а наказания...

Не переставая говорить, он положил кончики пальцев на губы Анри, погладил их, нежно провел по внутренней кайме. Подавшись навстречу, Анри поймала его пальцы губами, поцеловала, прихватив влажным горячим ртом. Ухитрилась взглянуть снизу вверх затуманенным взглядом, но Алекс молча покачал головой. Отняв руку, он распустил шнуровку на рубашке Анри, почти обнажив ее высокую смуглую грудь.

– Сначала танец, – проговорил все так же холодно и равнодушно. – Хорошие девочки не танцуют перед мужчинами, верно? И не раздеваются перед ними догола. А ты разденешься, сладкая моя. И будешь танцевать так, чтоб я видел, какая ты плохая.

Снова откинувшись на спинку кресла, он заложил руки за голову, наблюдая, как Анри с нечеловеческой текучей грацией одним движением поднимается на ноги и идет к углу с музыкальным проигрывателем. Подумал, что надо бы оборудовать хоть одну спальню шестом для танцев. А потом посторонние мысли вылетели из головы, потому что в комнату тихо и вкрадчиво вползла музыка. Что-то совсем не европейское, даже близко. Гортанный мужской голос, глухие барабаны и тонкая нежная флейта. То ли аравийское, то ли маджарское...

Покачнувшись у спинки стула, Анриетта медленно облизнула губы, повернулась боком, запрокидывая голову. Поднялась на носочки, развернув плечи, потянулась и запустила пальцы в волосы, прогибаясь назад... Под едва заметно убыстряющийся ритм погладила себя, скользя ладонями вниз по всему телу, обрисовывая его, двигаясь бедрами навстречу собственным рукам, остановившимся на животе...

Алекс сидел молча, замороженно любуясь отрешенным лицом Анри, покрытым бисеринками пота, словно женщина не двигалась плавно под медленную музыку, а напрягалась изо всех сил. Вот кончик языка показался между губ, облизнув их и снова спрятавшись, как змеиное жало, вот золотистая кожа щек потемнела от прилившей крови, взгляд стал пьяным, шальным...

Как и было велено, Анри танцевала, раздеваясь. Сирена, почти лишенная магии голоса, она с лихвой заменила его иными чарами. Томительно медленно, с показным безразличием, спустила белое кружево бретелек со смуглых гладких плеч, а потом заставила рубашку сползти с тела, не тронув ее и пальцем, одним лишь покачиванием стройных бедер. Переступив с ноги на ногу, чтобы выйти из кружевной пены на ковре, сделала шаг ближе – и музыка потекла по ее телу, как невидимая волна. Лаская себя, скользя по смуглому золоту кожи узкими ладонями, Анри отдавалась музыке, как любовнику, позволяя ей вести в глубины страсти и следуя всем своим существом...

– Достаточно, – уронил Алекс, слыша, как ее дыхание становится все более быстрым. – Выключи. Потом встань на колени и ползи ко мне.

Повинуясь, Анри нажала кнопку на вделанной в стене панели, потом опустилась на колени, слегка прогнувшись и даже в такой позе оставшись безупречно грациозной. Кажется, ее тело просто не умело быть неуклюжим. Опустив голову, она подползла и замерла, почти уткнувшись лицом в колени Алекса.

– Плохая девочка, – ласково сказал Алекс, проводя указательным пальцем по ложбинке вдоль ее спины и чувствуя, как мышцы под его рукой отзываются дрожью. – Очень красивая и очень плохая. Ты ведь хочешь быть моей? Отдаться мне, раздвинуть свои красивые стройные ножки, почувствовать меня внутри...

– Нет... – всхлипнула Анри, укладываясь щекой на колени Алекса. – Прошу вас...

– Чего же ты хочешь? – улыбнулся Алекс, снова запуская пальцы в темный шелк волос. – Что нравится таким плохим девочкам? Ты ведь сама пришла сюда, милая. Теперь придется отрабатывать плату. И одних танцев мало.

Не переставая говорить, он тронул ее полуоткрытые губы кончиками пальцев и на этот раз позволил Анри взять их в рот и посасывать, пока продолжал, медленно роняя каждое слово:

– Ты очень красивая, знаешь это? Нежная кожа, гибкое тело, волосы блестящие, мягкие. И губы... умелые, как у опытной шлюшки. Ты дашь мне свои губы, сладкая? Не для пальцев, как сейчас, а для другого...

Прижал ладонью голову Анри к своим коленям, не позволяя вырваться, расстегнул ширинку...

– Нет, – прошептала, дернувшись, Анри. – Нет, пожалуйста.

– Поздно, – усмехнулся Алекс. – Кто же разрешает плохим девочкам говорить «нет»? Они должны просто делать то, что им велят. Ты сама хотела, чтоб я тобой попользовался.

Рывком подняв напряженное тело за плечи, он толкнул Анри на пол, укладывая лицом вниз. Женщина напряглась, выгибаясь, пытаясь упереться ладонями в тонкий ковер, но Алекс надавил на лопатки и услышал всхлип. Сразу же, выказывая покорность, Анри раздвинула ноги и задышала тяжело и быстро.

– Так-то лучше, – сказал он ласково, наклоняясь ниже. – Забыла свое место, сладкая? Оно здесь, на полу. Ноги раздвинь шире. И приподнимись, а то мне будет неудобно. Ты ведь хочешь меня порадовать?

Дотянувшись до подушки, он сунул ее Анри под послушно поднятые бедра и поставил колено между раздвинутых ног – без всякой необходимости, просто чтобы дать почувствовать свою власть. Тихонько поскуливая, Анри лежала, отвернувшись и дрожа всем телом. И когда Алекс, перехватив ее запястья одной рукой, другой погладил мокрую от пота спину, сначала вжалась в ковер, потом свела лопатки, ерзая и пытаясь то ли отодвинуться, то ли освободиться.

– Плохая девочка, – промурлыкал Алекс, прихватывая губами верхний край ее уха, проводя языком по завитку, а потом медленно стискивая зубами. – А кто сам на это напрашивался? Кто разделся для меня?

Отчаянный всхлип, напряженное, как струна, тело: тронь – и зазвенит. Он слушал горячее дыхание, еле слышный скулящий стон. А когда отпустил заведенные за спину руки Анри – та ожидаемо рванулась и снова была уложена на ковер.

– Какая ты непослушная, – насмешливо проговорил Алекс. – Или передумала со мной играть?

– Нет, – выдохнула Анри в ковер. – Пожалуйста. Я буду слушаться. Не делайте больно!

– Не больше, чем сама захочешь, – проговорил Алекс, снова лаская ухо Анри языком. – Я не обижаю послушных девочек. Даже таких плохих.

Свободной рукой он гладил ее тело: спину, бедра, ноги – и снова поднимался к шее... Но каждый раз, стоило Анри дернуться, стискивал сильнее ее плечи и локти, не давая освободиться.

– Ты моя, – прошептал Алекс минуту спустя, чувствуя, как прижимается к нему мнимая жертва. – Я сделаю всё, что захочу...

Снова отпустил локоть Анри, продолжая игру в насилие и сопротивление, и лег рядом, продолжая гладить. Несколько мгновений Анри лежала тихо, выжидая, потом осторожно отодвинулась. Вскочила, рванулась из спальни и замерла, вцепившись в ручку двери – это было очень важно, чтоб дверь оказалась запертой... Не оборачиваясь, опустила плечи, напряглась всем телом, когда Алекс подошел сзади, обнял и сказал с ласковой насмешкой:

– Ну, все, сладкая, мое терпение кончилось.

Теперь главное было не затягивать. Алекс жестко взял ее за локти, отводя руки от щек, посмотрел в затуманенные горячечным страхом и желанием глаза. Развернул спиной к себе и с силой швырнул на кровать. Упав на нее животом, Анри успела только привстать, тут же придавленная сверху телом Алекса. Снова всхлипнула... Связав ее запястья за спиной заранее приготовленным широким шнуром, Алекс встал на колени между силой раздвинутых ног. Наклонился, придавливая спину Анри между лопаток ладонью, другой рукой расстегнул брюки.

– Нет... – проскулила Анри, – нет, не хочу... Отпустите...

– Ты такая красивая сейчас, – усмехнулся Алекс. – Отпустить? Не думаю...

Проведя рукой между ног Анри, он убедился, что тело женщины жадно ждет того, что отрицают губы. Нежная горячая влажность не оставляла в этом

сомнений, как и стоны, стоило немного поиграть пальцами. А когда Алекс, наконец, толкнулся возбужденной плотью между упругих бедер танцовщицы, очередной томный всхлип стал громким и протяжным криком. Будь это условленное слово-сигнал, он бы остановился, но Анри и не пыталась прекратить происходящее. Самозабвенно сопротивляясь в меру сил, она билась под Алексом, в голос стонала, плакала и просила отпустить. Потом, вскрикивая от каждого толчка, принялась подаваться навстречу...

– Вот так, – выдохнул Алекс, с силой вколачиваясь в покорно принимающее его тело. – Так, да... Нравится? Скажи, что нравится. Что ты сама этого хотела....

Ответа не требовалось. Вместо слов Анри отвечала ему всем телом, распластавшись, усердно приподнимая бедра в такт каждому толчку и продолжая всхлипывать.

– Шлюха, – нежно сказал Алекс в горячее ухо, ловя его губами. – Красивая горячая шлюха. Нравится, когда тебя берут? Ну, говори!

– Да... – всхлипнула Анри в покрывало. – Да, пожалуйста...

– Больше не будешь упираться? Поняла, кто ты?

– Да! Да, прошу...

Рывком выйдя из вскрикнувшей женщины, Алекс дернул шнур на запястьях, распуская узел, перевернул Анри на спину, коленом раздвинул с готовностью подавшиеся ноги, взгляделся в лицо: покрасневшее, мокрое от слез и пота, искаженное... Еще сильнее разведя колени, Анри попыталась обнять его ногами, подаваясь навстречу, предлагая себя.

– Ты так просила тебя отпустить... – задумчиво сказал Алекс, наклоняясь и слизывая бисеринки пота с щеки Анри. – Может, и правда? Хочешь уйти, сладкая моя?

– Нет, – прошептала Анри умоляюще, заглядывая в его лицо. – Нет, пожалуйста. Я хочу... Хочу быть вашей... Прошу...

– Я же говорил, что ты будешь просить, – негромко напомнил Алекс, меняя тон.

Склонился, легонько поцеловал сухие распухшие губы, шепнул нежно, успокаивающе:

– Девочка моя, сладкая, хорошая. Значит, хочешь принадлежать мне?

– Да, – выдохнула Анри томно. – Все, что хотите...

Обняв Алекса, она терлась всем телом, прятала лицо у него на плече, дыша горячечно, рвано и быстро. Алекс погладил влажные волосы, нежно убрал с щеки прилипшую прядь. Сказал тихо:

– Ты теперь моя. Я никому не дам тебя обидеть, слышишь?

– Твоя? – шепнула Анри, не отрывая от него тающего блаженного взгляда. – Обещаешь?

– Моя, – подтвердил он, обнимая льнущее к нему тело и говоря то, что хотела услышать Анри. – Никому не отдам. Иди ко мне...

Толкнулся снова в горячую скользкую плоть, ловя губами сорвавшийся с губ Анри томный всхлип, двинул бедрами. Анри, уткнувшись лицом ему в плечо, раздвигала ноги, поднимая колени все выше, и гладила спину Алекса то ладонями, то кончиками пальцев... Спустив с плеча полурасстегнутую рубашку, сначала целовала, потом стала осторожно прикусывать.

– Давай, девочка, – тяжело дыша, разрешил Алекс. – Оставь мне метку.

И тихо рыкнул, когда ему чувствительно прихватили кожу между шеей и плечом зубами. Усмехнулся, впиваясь в ответ в радостно подставленные губы, скользнул языком вглубь рта... Анри двигалась в совершенном ритме, отдаваясь так, словно для нее во всем мире не существовало ничего, кроме любовника. Таяла, обнимала, рвалась навстречу, вскрикивала и выстанывала:

– А-а-а-алекс!... Ох, А-а-алекс... Еще! Мой лэрд... мой повелитель... Бери... сильнее...

А потом билась в его объятиях, то прижимая, то отталкивая, чтоб тут же прильнуть еще теснее. И в последний момент, когда Алекс, уже выплескиваясь, немного отодвинулся назад и погладил пальцами самое чувствительное местечко женского лона, – в этот момент Анри стиснула его плечи, извиваясь, захлебываясь протяжным стоном...

Потом они лежали, обнявшись, и Анри лениво помогала Алексу стянуть все, что еще не успело сняться само, многострадальную рубашку, например. Оставив его голым, прижалась всем телом, обвила руками и ногами, положила голову на плечо. Алекс, улыбаясь, погладил темные спутавшиеся волосы, вдохнул запах. Шепнул, глядя влажные от пота плечи и спину:

– Как ты себя чувствуешь, драгоценная моя?

– Боже-е-ественно, – с чувством протянула Анри, тоже, судя по голосу, улыбаясь. – Ох, Корса-а-ар... ты великолепен, знаешь ведь?

– Мне говорили, – усмехнулся Алекс. – Но все равно благодарю. Ты тоже восхитительна и чудесна, милая.

Немного повернувшись, чтоб Анри было удобнее, он коснулся губами темноволосой макушки, подул, шевеля дыханием пряди. Обнял крепче, прижал к себе... И в который раз подумал, что нельзя же быть таким мерзавцем... Анри достойна любви человека, для которого будет единственным и величайшим счастьем. Но как подобному человеку появиться в ее жизни, если умная, прекрасная и божественно талантливая Анри безнадежно влюблена в него, всего лишь друга и покровителя. И где найти человека, который поймет и примет ее всю, такую сильную, но хрупкую и уязвимую, нуждающуюся в темных порочных играх, чтобы выйти из них очищенной и сбросившей на время груз памяти и страха? Так что неизвестно, что будет большей жестокостью и лицемерием: длить эту давнюю связь или разорвать ее?

– А-алекс? – игриво протянула Анри, приподнимая голову и требовательно заглядывая ему в лицо. – О чем ты задумался? Или о ком?

– О тебе, – легко сказал он, целуя припухшие губы. – О ком же еще я способен сейчас думать?

И тут же в памяти непрошено всплыли, стирая все только что случившееся, светло-голубые льдинки глаз с так и не пролившимися слезами, и темные круги под этими глазами, и ладонь, которую девочка не отдернула там, в парке... И страх, отчаяние, стыд – все, что угодно, даже вымученное болезненное желание... Только не то, что Алекс видел сейчас в глазах Анри. Ни капли нежности, благодарности, желания брать и отдаваться...

– И я должна сделать вид, что верю? – усмехнулась Анри, ответив на поцелуй. – Милэрд Корсар, вам не идет ложь из вежливости. Вы изволите безнравственно думать о ком-то другом – но это я сейчас исправлю. Помнится, вы что-то говорили про мои губы и их должное применение?

– Ох, – выдохнул Алекс, откидываясь на подушки и чувствуя холод влажной салфетки, которой умелая женская рука ловко обтерла его усмиренную плоть. – Ты хочешь...

– А ты надеялся так легко отделаться? Сам сказал, что мой... – жарко выдохнули губы Анри перед тем, как сомкнуться на его мужской гордости.

«Твой, – с беспомощным сладким раскаянием подумал Алекс. – Увы, только до утра. И прости меня за это...»

* * *

Лэрд стряпчий не изволил появиться в особняке и утром. Маред проснулась еще до появления горничной, свежая и выспавшаяся. Понежилась в постели минут пять, потом вспомнила, что если Монтроз уехал на мобилере, то ее повезут в карете. И, значит, следует встать пораньше. Примчавшаяся на звонок рыжая горничная Сэлли помогла одеться и заплела Маред волосы, но осторожных намеков, что гостья была бы не прочь узнать что-нибудь о жизни лэрда, старательно не заметила. Ах, милэди так очаровательна в синем! Милэди будет к завтраку чай или кофе? Милэди изволит завтракать у себя или спустится вниз? Какие чудесные у милэди волосы, густые и послушные, а как блестят...

Маред, которую за всю жизнь не называли милэди столько раз, сколько здесь за одно утро, только вздохнула, не в силах справиться с потоком почтительных восторгов, и обреченно согласилась спуститься.

После завтрака ее отвели к экипажу и поручили заботам усатого толстяка, словно сошедшего со страниц сказки, где феи-покровительница отправила бедную сиротку на бал, превратив подвернувшуюся крысу вот точно в такого кучера. Маред даже улыбнулась, садясь в карету. Не нужно ей никакого принца, пусть только сегодня начнется настоящая работа стряпчего!

Сидя в карете, следовавшей уже знакомыми улицами, она достала фонилю и вызвала на экран календарик. Половина юниуса уже промчалась, но впереди оставалась вторая и еще два месяца. Если лэрд стряпчий будет почаще задерживаться в городе, оставаясь там ночевать, это замечательно. Правда, Маред и оставшихся на ее долю ночей хватит с лихвой... Эта мысль изрядно испортила настроение, но думать о плохом не хотелось. Только не таким дивным утром!

Карету ей то ли случайно, то ли, напротив, предусмотрительно выделили без герба, так что Маред преспокойно доехала до самого «Корсара». Не дожидаясь помощи кучера, соскочила с подножки и снова залюбовалась строгой красотой серых стен и сияющих чисто вымытыми стеклами окон. Поднимаясь по лестнице, она старательно выбросила из головы мысли о лэрде королевском стряпчем, а потом и в самом деле о нем забыла.

Третий день работы на новом месте оказался превосходен, как предчувствие Йоля с его подарками-сюрпризами и особенным сказочным духом! В первый было слишком много суматохи, вчера Маред еще не освоилась, а потом Монтроз все испортил домогательствами в ванной, но сегодня...

Сегодня секретарша Тилли улыбнулась ей, как старой знакомой, а тье Эстер благосклонно кивнула и пожелала приятного дня. Маред прошмыгнула на свое место, бросив взгляд на настенные часы и убедившись, что не опоздала и даже пришла несколько раньше. А отдел постепенно заполнялся гулом голосов, шелестом клавиш и бумаги, звонками фонилей и колокольчиками связи внутри здания. Маред выдали для начала огромную папку бумаг и велели разобрать их на входящие и исходящие, а потом разложить по принадлежности к определенному учреждению. Нудная работа, но стоило уловить принцип, и руки стали раскладывать желтые от времени листочки сами, почти без участия головы. Так что когда тьен Даффи собрал всех и объявил о новом деле, Маред невольно насторожила уши в своем уголке.

Тендер... Да еще и конкурсный! На глазах Маред весь контрактно-корпоративный отдел закипел оживлением, словно и вправду началась раздача подарков на Йоль. Только вот здесь, как она поняла, подарок достанется двум-трем счастливицам, которые сделают лучшую работу. Служащие Монтроза азартно обсуждали условия, так что островком спокойствия, в конце концов, остался только стол тье Эстер. Пожилая дама подняла голову от вычислителя и меланхолично напомнила «дорогим коллегам», что обычный рабочий процесс никто не отменял и текущие дела сами себя не закончат.

После этого стряпчие мгновенно разбежались по местам, а Маред, разложившей бумаги, стало тоскливо. Материалы по тендеру были совсем близко. Вот они, на вычислителе у Тилли. Тьен Даффи специально подчеркнул, что попробовать силы может любой желающий, только вот смотрел при этом почему-то на практиканта Макмиллана, а не на своих подчиненных. Макмиллан же неопределенно пожал плечами и снова скрылся в соседней комнате, задержавшись только у столика с кофеваркой.

А Маред осталась рядом с вожаемыми материалами. О, конечно, всерьез браться за разработку контракта с крупной компанией, да еще и иностранной... Она еще не настолько обезумела, хвала Бригитте. Но хотя бы посмотреть? Любопытно ведь! Когда еще ей такое попадется в руки и попадется ли вообще?!

За несколько минут до обеденного перерыва Маред все-таки набралась храбрости. Голос, когда она подошла к Тилли и попросила скопировать материалы на ключ-камень, изрядно подрагивал, но Тилли не заметила – ей было решительно не до волнений практикантки Уинни. Тилли негодовала!

Какой-то глупый шутник постоянно таскал у нее со стола печенье, орешки и прочие мелкие вкусности. Таскал нагло и изворотливо, ухитрившись ни разу не попасться на глаза! Никто в отделе не принимал жалобы Тилли всерьез, а счет украденных лакомств приближался к приличной сумме, и теперь Тилли была в ярости. Алиби оказалось разве что у практикантов, потому что безобразие началось до их появления.

– Тьеда Тилли, не хотите спуститься в кофейню вместе? – робко предложила Маред, рассчитывая хоть что-то узнать о порядке проведения конкурса и, может быть, получить совет, как попроситься к кому-нибудь в помощницы.

– Нет уж! – бросила Тилли, опускаясь на стул, с которого только что встала. – Я останусь здесь. И храни сама Морриган того, кто подойдет к моему столу. Тье Уинни, дорогая, вы не принесете мне шоколадку?

– О, Тилли, но носить вам шоколад – это моя привилегия! – провозгласил высокий молодой человек, слегка похожий на викинга растрепанными рыжими волосами, куда длиннее, чем полагалось бы служащему, широченными плечами и вольным костюмом, часть которого составлял кожаный жилет. – Какую шоколадку вы хотели бы, владычица клавиш и карандашей?

Тилли заулыбалась, смущенно и мило хлопая роскошными ресницами, а Маред мгновенно поняла, что сейчас и здесь она лишняя. Пришлось спускаться одной.

У прилавка с готовыми блюдами уже выстроилась длинная очередь. Если бы Маред не промялась у стола Тилли так долго! Дурацкая стеснительность, ну что стоило попросить секретаршу сделать все побыстрее? Для того она там и работает! А вот теперь...

– Тье Уинни! – окликнул ее смутно знакомый голос, и Маред с удивлением подняла взгляд. – Предлагаю договор! Я возьму обед сразу на двоих, а вы займете свободный столик. Ну как?

Пораженная до глубины души Маред молча посмотрела на лэрда Макмиллана, стоящего почти у самого прилавка.

– Что вам принести? – поинтересовался лэрд, поняв, что от нее вразумительного ответа не услышит. – Коллега Уинни?

– Кофе! – выпалила Маред. – И... все равно что, на ваш выбор.

Невольно тронула пояс, где обычно висел кошелек, но вспомнила, что обед в кофейне для сотрудников конторы бесплатный, значит, она нисколько не будет обязана лэрду. Но все равно, как-то странно...

Макмиллан кивнул, и Маред оглянулась, торопясь выполнить свою часть сделки. Столик на двоих как раз освободился у окна, и она поспешила туда, а через несколько минут появился и лэрд, неся уставленный тарелками поднос со

сноровкой, которой можно было бы ожидать от лакея, но никак не от потомка знатного рода.

– Ваш кофе, коллега Уинни, – сообщил Макмиллан, расставляя тарелки с чашками. – И ваше «все равно что». Кажется, нам попалась тушеная баранина. Вы не против?

– Нет, конечно, – растерянно отозвалась Маред. – Благодарю, вы очень... любезны.

Назвать любезным молодого мужчину, относящегося к женщине с такой равнодушной деловитостью, было явным преувеличением. Макмиллан не был любезным. Он был... каким-то совсем другим. Маред с любопытством взглянула в худое и не слишком привлекательное лицо лэрда. Да, некрасив. Но Бригитта милосердная, он снова назвал ее не «милая тье», а «коллега»! За одно это Маред готова была видеть в нем посланника самого Луга, покровителя законников.

– Боюсь, я ужасающе не любезен, – невозмутимо подтвердил ее мысли лэрд. – Зато кофе взял не готовый, а попросил сварить свежий. Вы ведь тоже пьете черный?

– Да... Как вы...

– Вы брали здесь черный кофе вчера и позавчера. Приятного аппетита, тье. Наверное, называть вас коллегой все-таки излишняя вольность с моей стороны.

– О, нет, – Маред отчаянно и неловко улыбнулась. – Мне было бы приятно! Ведь мы... и в самом деле коллеги, – тихо добавила она, чувствуя себя дерзкой и невоспитанной.

– Тогда заранее простите меня за то, что вскоре я перейду исключительно на фамилию, – предупредил лэрд, пожав плечами с тем же полным отсутствием кокетства, свойственного большинству мужчин рядом с женщинами. – Дурацкая привычка, я знаю. Можете одергивать, и тогда есть вероятность, что я вспомню о хороших манерах.

– Ничего страшного, – чуть смелее улыбнулась Маред. – Я не против...

Несколько минут они молча ели баранину под соусом из мяты с розмарином. Молчание совершенно не казалось неловким, как бывает, когда собеседники не могут найти общих тем. Напротив, Маред было подозрительно легко и спокойно в обществе странного лэрда.

– Неплохо... – протянул Макмиллан, поначалу попробовавший свой кофе с осторожностью. – Вчера был хуже. Как вам работа, коллега Уинни?

– Великолепно.

Маред счастливо улыбнулась во весь рот и даже не спохватилась, как обычно, что это неприлично.

– А вам... нравится, ваша светлость?

– Зовите меня проще, умоляю, – усмехнулся лэрд. – Коллеги так коллеги. Да, любопытно. Хотя я буду гораздо счастливее, если смогу уклониться от сегодняшнего...

Он неопределенно покрутил в воздухе пустой вилкой. Маред поняла, вспомнив взгляд начальника отдела.

– Тендер? Вы не хотите в нем участвовать? Но ведь это не обязательно. Хотя я...

Она осеклась и начала краснеть. Макмиллан, быстро глянув на нее и снова перенеся внимание на рагу, пожал плечами.

– Не люблю коммерцию. Моя семья имеет много финансовых интересов, но лично я этим заниматься не хочу. Мне интересно право, но уголовное, а не экономическое.

– Понимаю... Но тогда зачем вы здесь?

– С моей семьей не поспоришь, – как-то криво усмехнулся лэрд. – Так не все ли равно, где поперекидывать бумажки одно лето?

Маред никак не могла понять, что происходит. До этого момента лэрд Макмиллан относился к окружающим с изысканной холодной вежливостью, которая порой граничила с сарказмом. И студента Финлисона, и тьена Даффи, своего нынешнего начальника, он не подпустил для общения ни на шаг ближе, чем позволял отдалиться деловой этикет. И вот теперь уделяет внимание ей, обычной студентке без связей и самого простого происхождения. И не просто уделяет, но и заметил, какой кофе она пьет, а это уже за рамками обычной внимательности.

– А вы, значит, любите коммерческое право? – небрежно уточнил Макмиллан.

Маред смущенно кивнула. И тут ей в голову пришла неожиданная и скорее всего глупая мысль. Говорить об этом с едва знакомым человеком было странно, но она вдруг решилась. Макмиллан был с ней так прост в общении, совсем не как с Финлисоном. А заниматься нелюбимым делом – что может быть хуже?

– Почему бы вам не побеседовать об этом с лэрдом Монтрозом? Я читала... – она вовремя сообразила, что выдавать излишнюю осведомленность о делах и жизни главы конторы не стоит – что он начинал, как стряпчий по уголовным преступлениям. Может быть, он подскажет что-то полезное? Или найдет вам работу по душе...

– Не знал... – с некоторым удивлением отозвался Макмиллан. – Я полагал, что Монтроз всегда занимался гражданским правом. Интересная идея, Уинни, благодарю вас.

– Не за что, – все-таки смутилась Маред, допивая кофе.

– А вы хотите попробовать себя в конкурсе?

– Да, – призналась она. – Но я совершенно не знаю, с чего начать. Жаль, что вы...

– Нет уж, – решительно сказал лэрд. – Только не я! Мой дед покровительствует этому проекту в министерстве финансов. Хватит с них и одного Макмиллана. Но знаете, Уинни... Не люблю оставаться в долгу. Если решитесь, я, пожалуй, попрошу деда подсказать что-нибудь полезное.

– О-о-о...

Маред замерла, не зная, что сказать.

– Только уговор: вы никому не скажете, от кого это узнали.

Макмиллан улыбнулся, и его некрасивое лицо озарилось изнутри, став вдруг вполне интересным.

– Обещаю, – выдохнула Маред, сжимая в пальцах пустую чашку. – Но как... зачем вам...

– А, пустое, – махнул рукой лэрд, поднимаясь из-за стола. – Пусть думает, что спрашиваю для себя.

Не дожидаясь ответа, он снова улыбнулся и, слегка поклонившись, ушел. Пораженная Маред смотрела вслед, понимая, что теперь-то просто не сможет отказаться от разработки контракта, не сделав хотя бы попытку. Но где найти сотрудника, не возьмется же она в одиночку за такой огромный проект? Сам Макмиллан отказывается, а другим стряпчим не нужна студентка-практикантка. Правда, обещанные Макмилланом сведения могут оказаться огромной форой в конкурсе, в коммерции такое преимущество дорогого стоит. Но выдавать лэрда нельзя... Маред вздохнула, окончательно запутавшись в чувствах. Может, еще ничего не выйдет. Так что она просто посмотрит на материалы. Вот сейчас пойдет – и посмотрит!

Она едва не зажмурилась от своей неожиданной смелости.

ГЛАВА 3. Две стороны доверия

После ланча время помчалось еще быстрее, словно Маред попала в Волшебную страну. Нырнув в ворох бумаг, она не замечала ничего, что делалось вокруг. Ей наконец-то дали настоящее дело – и какое любопытное! Книжное издательство заказало исследование порядка выплаты налогов и составление их оптимизации с учетом рисков. Кто-то, работавший по этому делу ранее, уже провел аудит правильности исчисления и уплаты, так что Маред осталась самая эффектная и приятная часть задания: упорядочить результаты и составить собственно схему

оптимизации. Прелесть же, а не работа!

Но, добравшись до прошлогодней налоговой декларации, которую составлял тоже стряпчий «Корсара», Маред обнаружила налоговый спор и насторожилась, как охотничья собака, почуявшая след. Ее предшественник действительно выявил излишне уплаченные налоги и начал их возврат в судебном порядке, но окончательного пакета документов по делу почему-то не было. Хотя каким бы ни оказался исход, схему следовало строить с его учетом и именно сейчас, так что, набравшись духу, Маред отправилась к тье Эстер.

Дальше – интереснее... Решение, как она и предположила, было, причем положительное. Но служащий, который вел иск, рассчитался из «Корсара» в прошлом году, а тье Эстер, вспоминая его, скривилась и как-то брезгливо дернула крупным енохианским носом. Впрочем, никаких комментариев не последовало, только указание для Тилли выкопать остаток документов по делу из архива и предоставить их тье Уини. О, до чего ласкало слух это равнодушно-деловое упоминание фамилии – как у настоящей служащей! Дожидаясь секретаршу, Маред не удержалась – открыла на вычислителе материалы по конкурсной разработке и опомнилась, только когда настенные часы отдела мелодично прозвенели шесть пополудни.

– Коллега Уинни, вы решили ночевать здесь? – поинтересовался лэрд Макмиллан, проходя мимо с неизменной чашкой в руке и задержавшись у стола Маред.

Она завистливо вдохнула аромат, но сразу же спохватилась:

– Извольте держать кофе подальше, прошу вас!

– Я не страдаю дрожанием пальцев, – сообщил лэрд, но послушно убрал чашку в другую руку. – Чем это вы занимаетесь с таким упоением?

– Налоговым иском...

Маред потерла пальцами уставшие глаза, отодвинула подальше вычислитель. Экран ее собственного, оставшегося в коттедже Монтроза, уже начал тускнеть, намекая, что неплохо бы заменить кристалл астерона на свежий, так что служебное устройство пришлось кстати.

– Ибо неизбежны в нашем мире только смерть и налоги, – напыщенным тоном провозгласил Макмиллан и тут же, портя впечатление, насмешливо улыбнулся, на прощание слегка поклонившись Маред.

Она посмотрела в удаляющуюся спину, обтянутую безупречно сидящим светло-серым сюртуком, вдохнула оставшийся после лэрда запах кофе – интересно, он так и уйдет из конторы с чашкой в руке? – и подумала, что сейчас сама дорого дала бы за толику божественного нектара, что варит тье Эвелин. И поесть бы... В доме у лэрда стряпчего она безнадежно стеснялась попросить что-нибудь перекусить, да и аппетита особого не было. А вот сейчас – лошадь съела бы! И закусила сэндвичем размером с папку налоговых бумаг пресловутого издательства.

Темно-синяя картонная папка, толщиной напоминающая кирпич, лежала на краю стола возле колючего растения в горшке, и Маред погладила крепкие иголки зеленого ежика, решив, что за пятницу и понедельник она легко доделает оптимизацию налогов, но впереди выходные. А у нее теперь есть конкурсные материалы, которые так и тянут к себе, словно буфет с вареньем – сладкоежку. Правда, тьен Даффи говорил, что документы не следует выносить из здания... Но два дня выходных!

Маред с отчаянием глянула в служебный вычислитель, который брать с собой уж точно строго запрещалось, и тут звякнул фониль. Прочтя неизменное «Жду в обычном месте» от лэрда стряпчего, она снова тоскливо посмотрела на вычислитель. Больше по наитию, чем осознанно, пошарила в сумочке у пояса, вытащила ключ-камень с контрактом и сунула в скважину вычислителя. Силуэт кораблика на ключ-камне засветился, открылось поле приема информации... Готово! Торопливо сунув драгоценную добычу в сумочку и едва удерживаясь, чтобы не озираться с воровливо-виноватым видом, Маред торопливо попрощалась с тье Эстер и Тилли, сбежала по лестнице и выскочила на залитую солнцем улицу.

В «Драккарус» она садилась, невольно ожидая упрека, что опоздала: мужчины не любят, когда женщины слишком задерживаются. Эмиль всегда вздыхал и укоряюще смотрел на карманные часы... Монтроз промолчал. Только окинул ее пронизывающим взглядом, от тяжести которого захотелось поежиться.

– Доброго вечера, – пробормотала Маред, опуская глаза.

– И вам тоже. Сильно устали?

Маред покачала головой, чувствуя, как ключ-камень с вынесенным из конторы контрактом буквально жжет ее совесть. А если лэрд узнает? Да и вообще... Может, лучше признаться самой?

– Тогда едем домой, – равнодушно бросил королевский стряпчий. – У наставника в школе вождения сегодня свободный день, но завтра он будет вас ждать. Как прошел ваш день, тье?

– Прекрасно, – выдохнула Маред, ничуть не покривив душой. – Я хотела спросить...

Ей вдруг пришло в голову, что необязательно донимать вопросами тье Эстер, если рядом и так безупречный источник знаний. Конечно, лэрд может и не пожелать отвечать. Вдруг ему это кажется элементарным, и Маред опозорится, спрашивая столь очевидные вещи? Или он просто устал... Уже успев пожалеть, что заговорила, Маред покосилась на Монтроза и уныло добавила:

– Относительно работы.

– Разумеется. Что вас интересует?

Монтроз снова смотрел на дорогу, а этот его быстрый внимательный взгляд ей наверняка почудился.

– Договорные связи, – выпалила Маред. – Сегодня я знакомилась с кругом контрагентов. С торговым домом «Левант» протоколы подписываются едва ли не в тот же день, когда приходят, а с «Альбионом» подписание может тянуться неделю...

– И что? – подбодрил ее Монтроз, все так же глядя исключительно на бульвар, по которому они ехали.

– Это получается случайно, или такова политика конторы? Есть ли какая-то градация контрагентов? По степени доверия, к примеру...

Она смешалась и смолкла, но Монтроз кивнул:

– Градация – вот именно. Только доверие в данном случае ни при чем. За срочность работы с клиента берется надбавка, которая идет на выплату премиальных служащим. Тот, кто не торопится, просто платит меньше.

– О, понятно, – воспрянула духом Маред: лэрд стряпчий ответил точно, подробно и, главное, без тени раздражения или высокомерия: – Можно еще вопрос?

– Да. И не уточняйте это каждый раз.

Несмотря на разрешение, Маред замялась. Одно дело – интересоваться общими условиями работы, а другое...

– Сегодня мне поручили дело издательского дома «Фортуна», – осторожно начала она. – В прошлом году контора представляла их в суде с иском о возврате налогов. Насколько я поняла, тот стряпчий у нас больше не работает?

« У нас!» Маред чуть не задохнулась, услышав, что ляпнула, но продолжила, удивляясь собственной дерзости:

– Мне было бы полезно с ним поговорить, но такое ощущение, что...

– Какое ощущение? – спокойно уточнил лэрд.

– Что он ушел как-то... нехорошо. Я понимаю, это не мое дело, но если с издательством какие-то сложности, мне ведь нужно знать, чтобы...

– Перестаньте оправдываться, – мягко прервал ее Монтроз. – Вы совершенно правы, в выяснении обстоятельств лишняя деликатность неуместна. С издательским домом «Фортуна» никаких сложностей нет – никто не дал бы по-настоящему сложное или грязное дело новичку-практиканту. Тот стряпчий ушел позже, но и в самом деле чрезвычайно некрасиво.

Лэрд помолчал, упорно глядя вперед, а не на затаившую дыхание Маред, затем продолжил, скупно отмеряя слова:

– Наша контора представляла клиента в международном коммерческом арбитраже. Некая лечебница приняла на работу группу иностранных целителей, но пренебрегла их аккредитацией по существующим правилам медицинской гильдии. Один из целителей допустил врачебную ошибку со смертельным исходом. Его родственники подали на лечебницу в суд, а при проверке на свет вышло много чего...

– А кого представлял «Корсар»?

– Родственников потерпевшего. Сначала предполагалось, что дело не дойдет до арбитража, ограничившись компенсацией и полюбовным соглашением, но пресса подняла скандал, и для лечебницы стало делом принципа отстоять репутацию. В результате мы проиграли.

– Из-за этого стряпчего? – робко уточнила Маред.

– Именно, – уронил Монтроз. – Он взял деньги от противной стороны и слил дело, как помои – в Темез. Ублюдок...

Маред промолчала. А что она могла сказать? Когда враги Монтроза осуществят свои планы, то как лэрд будет вспоминать ее саму? Гораздо хуже.

– А апелляцию не подавали? – спросила она все-таки, когда молчание стало тяготить.

Монтроз покачал головой.

– Родственники не настаивали на компенсации. Им хотелось, чтобы наказали виновного, а того целителя все-таки лишили работы и выслали из Великобритании.

– А... стряпчий?

Лэрд очень неприятно улыбнулся.

– Последний раз, когда я о нем слышал, он работал в порту докером. Подходящее место для дурака, потерявшего юридическую лицензию вместе с

репутацией порядочного человека.

– Это... вы?

Фраза вышла невнятной, но королевский стряпчий понял.

– Это, тье Уинни, самое малое, что я мог сделать для репутации собственной конторы и всех остальных моих служащих. Ну и для моральной компенсации обманутым клиентам, разумеется.

Монтроз вздохнул и добавил мягче:

– Так что работайте с издательством спокойно, тье. С документами там все в порядке. Специалистом этот мерзавец был отличным.

На последней фразе в голосе лэрда прозвучало явное сожаление, и Маред подумала: он наверняка гордится своим умением подбирать персонал, из которого и вытекает слава «Корсара», а здесь такой промах! Не зря тье Эстер промолчала, да и остальные вряд ли болтают... Но ей-то лэрд рассказал.

– Время от времени среди людей, которым доверяешь, причем не обязательно служащих, непременно попадается негодяй, – уронил Монтроз. – Это неприятно, но случается. И совсем не повод отказывать в доверии остальным.

А потом поинтересовался уже другим, деловым тоном:

– У вас есть еще вопросы?

Маред вспомнила блокнот с целым их списком, смущенно полезла в сумочку, но там блокнота не оказалось. Наверное, оставила на столе. Ничего, она все равно помнит каждый.

– Когда проводится полный аудит, контора сама обеспечивает всех специалистов или привлекает кого-то со стороны?

Она сидела в мобилере, шуршащем колесами по мостовой, спрашивала и слушала ответы Монтроза, млея от их безупречной точности. Лэрд стряпчий

помнил и знал о своем предприятии все: каждую деталь, любую подробность. Это уже были не сухие документы, а живой мир экономического права, который Маред впитывала жадно и с наслаждением, переспрашивая, уточняя и едва сдерживая восторг.

Опомнилась она, только почувствовав, что щеки горят от возбуждения, почти сродни чувственному. За окошком мобилера проплывали знакомые коттеджи Мейд-Вэл – они почти приехали, а Маред и не заметила!

– Простите, – пролепетала она сконфуженно. – Вы устали...

– Напротив, отлично отдохнул, – усмехнулся лэрд. – Ты умница, девочка. Умеешь думать и правильно спрашивать.

И сразу осадил зардевшуюся от удовольствия Маред, спустив с небес на землю:

– Надеюсь, тье, вы сами не слишком утомились? У меня определенные планы на ночь, так что через два часа после ужина будьте любезны подняться ко мне.

Маред почувствовала, как радость и гордость от похвалы Монтроза, только что переполнявшие сердце, вытекают из него, подобно воде через решето.

* * *

Алекс сказал про планы и сразу пожалел об этом: девчонка, только что сиявшая азартом и интересом, мгновенно потухла, как накрытая колпачком свеча, замкнулась. Отвернулась к окну мобилера, плечи напряглись и застыли... Стоило, пожалуй, дать ей хотя бы поужинать спокойно, но какого баргеста? Сама ведь согласилась, добровольно. Сама позвонила и пришла на встречу...

Он с трудом сдержал раздражение, глядя на Маред, неохотно покидающую мобилер во дворе коттеджа. Если ей так уж плохо, почему просто не уйдет? Это будет честнее, чем изображать попанную добродетель.

Раздражение было справедливым, Алекс уверился в этом, глядя, как приветлива и мила тье Уинни с эконожкой, как смущенно и благодарно улыбается, услышав, что на ужин ее любимая курица в сметанном соусе с розмарином... И ведь

Эвелин, за все визиты Незабудки не нашедшая для нее любезной улыбки, эту гостью рада баловать! Уже и любимые блюда узнала... За ужином Алекс будто со стороны наблюдал за собой: слишком резкие движения, слишком отрывистые фразы, слишком безразличный вид. Раздражение уже грозило перетечь в нешуточную злость, когда Маред задержалась внизу, чтобы не подниматься по лестнице следом за ним, а потом наверху, в коридоре, шарахнулась, чуть не прижавшись к стенке, стоило Алексу оказаться рядом.

Но он все-таки сдержался. И уже в спальне подумал, что сегодняшние планы придется изменить. Ничего серьезного он и так не замышлял, но девчонка настолько напугана, что даже простенькая игра окончательно доведет ее до паники. Но все же телесной близости хотелось до умопомрачения. И именно с Маред, ведь никто не мешал ему остаться подольше у Анри или вовсе отправиться к Незабудке. Нет, хотелось оказаться в постели именно с маленькой ханжой тье Уинни.

Неужели он успел привязаться к девчонке настолько, что начинает скучать, разлучаясь с ней совсем ненадолго? Глупо – в ней же ничего особенного нет. И Анри, и Флория гораздо искуснее в постельных утехах, притом искренне рады вниманию Алекса, хоть и каждая по-своему. А Маред...

Когда девчонка с горящими глазами допрашивала его в мобилере, было почти физически приятно отвечать ей, слушать ее мягкий голос с едва заметным гваэльским выговором, переспрашивающий о том, что Алекс считал смыслом и гордостью всей своей жизни – о «Корсаре» и его устройстве. Притом вопросы она задавала умные и глубокие, и это после всего пары дней работы. Алекса снова кольнуло сожаление, что их знакомство началось так пошло и гнусно. Пожалуй, он предпочел бы сохранить чуть больше иллюзий о нравственном облике тье Уинни, но теперь поздно. И отказываться от ее услуг в постели нет никакого смысла.

Поэтому он глубоко вдохнул и выдохнул, стоя в спальне у окна, из которого веяло ночной прохладой. Заставил себя если не успокоиться, то загнать раздражение поглубже. Да, тье Маред отнюдь не пылает к нему страстью – ну и что? Сам ведь хотел покорять и учить, так что жаловаться? Извольте определиться для начала с собственными желаниями, лэрд Корсар...

Отходя от окна, он определился. И достал из шкафчика совсем не то, что собирался. Никаких жестких ремней и кляпа, никакой плети-флоггера. Ремни –

да, но мягкие, подбитые нежной замшей. А еще массажное масло с ароматом лаванды и шкатулку с игрушками, которые привели бы в восторг любую искушенную в удовольствиях даму. Оставалось надеяться, что добродетельную лицемерку тье Уинни они хотя бы не напугают до обморока.

В дверь тихонько стукнули, но входить Маред, похоже, не собиралась. Алекс глянул на часы – срок выдержан с безупречной точностью, а ведь казалось, что девчонка опаздывает. Усмехнувшись собственному нетерпению, он открыл дверь.

– Входите...

Да, сегодня следует быть мягче. В глаза девушки вернулся блеск, но нездоровый, лихорадочный. А еще она была бледна и скованна, ничего общего с оживлением в мобилере. К постели, правда, подошла вслед за ним без понуканий, но, обернувшись, Алекс увидел в глазах Маред отвращение. Это было совсем плохо, даже хуже страха. И сразу же девчонка, словно боясь выдать чувства, опустила взгляд.

Что ж... Алекс устало подумал, что если сегодня не получится взять эту крепость, придется разорвать договор самому. По собственной воле Маред не уйдет, ей отчаянно нужны деньги. Да и работать девчонке нравится, у нее прекрасные способности. Но оставить Маред Уинни в «Корсаре», совсем рядом с собой, зная, что не можешь даже прикоснуться – да Алекс сам заработает истерию, как у нервной дамочки!

– Раздеваться? – спросила Маред, сосредоточенно разглядывая ковер.

Голос у нее был таким же безжизненным, как и лицо. Вот сейчас и следовало бы решить, пока все не зашло слишком далеко, и девушка не возненавидела его окончательно. «Одна ночь, – подумал Алекс, злясь теперь на самого себя. – Одна, последняя. Никакой боли, почти никакого подчинения. И если ей не понравится...» Он и сам еще не знал, что сделает тогда. Разумеется, понимал, как будет правильно поступить, но не мог себя заставить. Не мог и не хотел отказаться!

– Позже, – мягко ответил он, шагнув навстречу девушке.

Положил руки ей на плечи, отметив, как они напряжены, обнял, прижавшись, вдохнул нежный чистый запах волос... «Одна ночь... И если все пойдет плохо, я остановлюсь...»

– Устала, девочка? – шепнул в ухо, грея его дыханием. – Ничего, завтра последний день недели. А в выходные съездим на реку – хочешь?

Дело, конечно, было не в усталости – он нагло врал самому себе. Маред стояла покорная, как кукла, только дышала мелко и неровно, явно пытаясь сдержаться. Алекс еще раз вдохнул ее аромат, легонько коснулся губами прохладной щеки. Тихо сказал:

– Сегодня я раздену тебя сам.

Немного отступив, медленно развязал поясок шелкового пеньюара и позволил ему соскользнуть с плеч девушки. Рубашку она после ванной не надела, как и корсет, но лифом и панталончиками пренебречь себе, конечно, не позволила. Глупышка... Так же неторопливо Алекс расстегнул пуговицы лифа, снял и его. Сказал все тем же ровным негромким голосом:

– Ложись на живот.

Маред подняла на него быстрый взгляд, в котором промелькнуло то ли удивление, то ли испуг, но переспрашивать и уточнять не стала. Послушно и неловко опустилась на кровать, все так же каменея напряженной спиной. Алекс присел рядом, убрал подушку, бережно отвел в сторону длинные темные волосы, еще слегка влажные после ванной. Налил в ладонь масла, растер другой ладонью и положил скользкие руки на гладкую холодную спину. Девушка дернулась и резко вдохнула.

– Это всего лишь массаж, – сказал Алекс, наклоняясь ниже. – Любишь его?

– Нет, – упрямо отозвалась Маред на выдохе и снова уткнулась лицом в простыню, вытянув руки вдоль тела.

– Значит, тебе его делали неправильно, – улыбнулся Алекс.

Он несколько раз провел ладонями по спине, разогревая кожу, прежде чем перейти к растиранию. Круги, спирали, чуть сильнее, а потом совсем легко – и опять немного сильнее... Маред замерла, едва дыша, ее кожа потеплела, но спина так и была напряжена, поэтому Алекс заговорил:

– У тебя под лопаткой шрамик. Откуда?

– Упала... с дерева.

– А это?

Он легко обвел пальцем две едва заметные ямочки на круглом смуглом плече.

– Собака укусила.

– Злая?

– Нет. Я... сама была виновата. Хотела посмотреть щенков...

– Понимаю, – улыбнулся Алекс. – Щенки, деревья... Должно быть, у тебя была очень снисходительная гувернантка?

Девчонка положила голову на постель удобнее.

– Ее просто не было. Отец... считал это дамской блажью. Говорил, что сам может всему научить меня.

Под руками Алекса, медленно и старательно растирающего вдоль каждую крупную мышцу, кожа девушки наконец-то загорелась, потемнела. И напряжение стало уходить, Маред слегка расслабилась.

– На лошади он тоже учил тебя ездить?

– Нет, у нас был грум. Я дружила с его сыном... мы даже играли, когда отец не видел...

А когда видел, то, наверное, отправлял тебя заниматься? Никакой гувернантки – дамская блажь – зато много книг. Переписывание бумаг, безусловно – языки, география и история, а в качестве редкого развлечения – верховая езда и управление экипажем. Воспитание мальчика... Не сказать, чтобы это было плохо, но многого, положенного девичьему сердцу и душе, отец тебя явно лишил.

Он нащупал под лопаткой твердый комочек сведенной мышцы и начал осторожно, но сильно его растирать. Массажу его научила Анри – и эти уроки Алекс без преувеличения считал бесценными.

– А я даже в деревне никогда не был, – признался он, переходя к другой лопатке, – явно девчонка долго сидела за письменным столом в одной позе. – Глупо, конечно, давно мог бы себе позволить отдых... Подними руки и положи под голову. Вот так...

Он взял Маред за предплечья и уложил лбом на пальцы. Все так же медленно принялся разминать руки, потом шею... Девушка дышала ровно и глубоко, не вздрогнув, даже когда Алекс снова принялся за спину, остановившись на пояснице. Еще пару минут он позволил Маред понежиться, просто глядя кончиками пальцев и следя за меняющимся ритмом дыхания, потом легонько шлепнул ладонью по плечу:

– Перевернись.

Маред все так же послушно повернулась, легла на спину, вытянув руки вдоль тела и глядя настороженно. Алекс медленно провел пальцем от ее горла вниз – между двумя холмиками к кружевному пояску панталон. Остановившись, спросил негромко:

– Ты ведь понимаешь, зачем ты здесь?

– Да, – ответила Маред, быстро облизнув губы.

– Хорошо. Ты будешь делать все, что сказано. Сегодня мы играем без боли...

Он погладил нежную золотистую грудь, обвел ореолы напрягшихся кремово-сливочных сосков. Маред затаила дыхание...

– Подними руки вверх, – велел ей Алекс, беря со столика замшевые ремни-наручники и показывая их девушке.

В глазах у нее снова появился страх, тело напряглось.

– Ты уже это делала, – терпеливо напомнил Алекс. – Ничего ужасного не случилось, верно? Я даже не буду завязывать тебе глаза.

Под его взглядом Маред подняла руки вверх, к спинке кровати, и ее грудь от этого движения стала вызывающе совершенной – у Алекса даже во рту пересохло. Он подумал, что чуть позже непременно приласкает эту красоту губами и языком. Но сначала – еще немного разговора.

– Хорошо, – повторил он мягко. – Умница...

Поднявшись, он надел на каждое запястье девушки отдельные наручники и затянул плотно, но не туго. Свободные концы закрепил на спинке кровати, поправил подушку под головой Маред. Девчонка лежала напряженно, от недавнего расслабления не осталось и следа. Вернувшись, Алекс сел рядом, положил ей руку на живот и заговорил:

– У свободы, как и у доверия, две стороны. С одной стороны наручники сейчас тебя связывают, но с другой – освобождают от ответственности. Что бы с тобой ни делали, ты в этом не виновата. Боишься?

– Нет, – с тихим упрямством отозвалась Маред.

– Почему?

Дождавшись недоумения в ее взгляде, он продолжил, словно невзначай поглаживая пальцами нежную кожу:

– Ты ведь мне не веришь, так что твой страх естественен и понятен. Когда ты поймешь, что можешь доверять, он уйдет.

– А я могу? – с вызовом спросила Маред и снова облизала пересохшие губы.

– Разве я когда-нибудь обманывал тебя? – улыбнулся Алекс. – Девочка, когда я хочу сделать больно, то не скрываю этого. Нет ничего более дорогого и хрупкого, чем доверие. А если я хоть раз тебе солгу – оно уйдет навсегда. Хочешь пить?

Потянувшись, он налил воды с лимоном из графина в стакан, поднес его к губам жадно глотнувшей девушки. Дождавшись, пока Маред напьется, поставил стакан и заговорил опять:

– Вот это и есть доверие. Я не причиню тебе вред намеренно, я готов о тебе заботиться. Да, я делаю то, что по вкусу мне и не нравится тебе. Но это не причина считать меня чудовищем настолько, чтобы не попросить воды. А если бы я затянул наручники слишком туго, ты бы тоже молчала?

– Нет, – буркнула Маред, отводя взгляд. – Но я же не знаю, может, вы это нарочно...

– Иногда я делаю это нарочно, – кивнул Алекс. – Слишком тугие наручники, горячий воск, иглы и плети... Но лишь с теми, кому это нужно. А единственный способ понять друг друга – это говорить. И слышать. Я хочу видеть тебя связанной, девочка, но не так, чтобы тебе было больно или неудобно.

Он погладил бока и живот Маред ладонями, наклонился и неторопливо приласкал ее соски языком, почувствовав, как они напрягаются и становятся тугими, словно налитые спелым соком ягоды. Потом медленно стянул с девушки панталончики. Маред дернулась, сжимая колени и учащенно дыша.

– Все, что я захочу, помнишь? – ласково напомнил Алекс. – А сейчас я хочу, чтобы ты выбрала.

Он взял шкатулку с игрушками и, открыв, показал ее девушке.

– Я... – выдохнула Маред с неподдельным ужасом, – не могу! Не надо!

– Не надо вообще или не надо просить тебя выбрать? – поинтересовался Алекс. – Первый вариант – нарушение нашего контракта, а вот второй можно обсудить. Почему ты не хочешь выбрать? Это ведь в твоих интересах.

– Пожалуйста... – щеки Маред залила краска, девчонка даже в подушку попыталась вжаться спиной. – Не могу... мне... все равно...

– Совсем все равно? – уточнил Алекс, доставая толстое, покрытое выступами деревянное дилдо, которое ни разу в жизни даже не думал использовать, а приобрел исключительно ради экзотического вида. – Точно?

Маред посмотрела на него глазами загнанного зверя. Дернулась, забыв о наручниках, глянула с откровенным ужасом, прошептала:

– Нет... не это...

– Девочка, – вздохнул Алекс, кидая бесполезную, но и вправду жуткую на вид штуку обратно в шкатулку. – Ты хоть что-нибудь слышала из моих слов о доверии? Полагаешь, я стану тебя калечить?

– Вы... Вы! Ну и выбирайте тогда сами!

Страх в ее глазах наконец сменился злостью, что было гораздо приятнее. Алекс улыбнулся.

– Обязательно. Я выберу сам, причем именно то, что нужно. И, может быть, ты хоть что-то поймешь из сегодняшнего урока о доверии.

Он достал гладкую каучуковую палочку длиной примерно в два пальца и толщиной в полтора, показал ее Маред.

– Ничего страшного, как видишь. Правда, у нее есть сюрприз, но он тебе понравится.

– Ненавижу сюрпризы, – пробормотала Маред, еще сильнее сжимая колени под ладонью погладившего их Алекса.

Положив игрушку в ложбинку между ее бедрами, чтобы девушка привыкла к ощущению и виду, он опустился рядом с Маред и обнял ее за плечи. Сказал в ухо, легонько касаясь губами мочки:

– Я не сделаю больно. Не сегодня.

– Тогда зачем вам это? – не утерпела девчонка.

– Покорность и боль – не одно и то же, – снова улыбнулся Алекс. – А мне больше нравится первое.

Он провел кончиками пальцев по лицу Маред, погладил ее шею, потом тыльной стороной ладони приласкал щеку, а пальцами – губы. Маред терпела молча, прикрыв глаза и упрямо сжав рот. Что ж, боль тебе не нравится, подчинение ты пока принять не можешь. Посмотрим, как отзовешься на ласку и удовольствие.

– Наручники, – шепнул он снова в ухо, – это разрешение самой себе. Пока ты в них, ты ничего не решаешь, значит, можно не чувствовать себя виноватой. Немного доверия, девочка... Если тебе станет больно – я остановлюсь. А вот стыд бывает очень сладким.

Девчонка всхлипнула и зажмурилась еще сильнее.

– Нет ничего плохого в удовольствии...

Алекс погладил ее бедра. Склонился и поцеловал низ живота, с трудом сдерживаясь, чтобы не пустить в ход язык – это она должна позволить сама. Скользнул пальцами ниже, в горячую влажную ложбинку, и приласкал ее тоже, шепнув:

– Раздвинь ноги.

Придерживая рукой игрушку, шевельнул ею, добившись, чтобы Маред развела колени. Это даже хорошо, что глаза у девочки закрыты – лучше все прочувствует, сосредоточившись на ощущениях тела... Снова просунув руку между ее бедрами, он принялся гладить нежное лоно одним пальцем, двигая им медленно и плавно. Прижавшись бедром, просунул свободную руку под голову Маред, разворачивая к себе.

– Девочка моя, – шепнул в упрямо сжатые губы, зная, что Маред чувствует кожей его дыхание. – Мы просто попробуем, понравится ли тебе. Еще немножко шире...

Поцеловал настойчивее, скользнул языком по самой кромке губ, пока место выскользнувшего из влажной плоти пальца занимал самый кончик дилдо. Пока еще снаружи, только упираясь в лепестки входа.

– Согни колени. Да, вот так...

Очень медленный толчок заставил Маред тихонько всхлипнуть, но сопротивляться девчонка не стала. Покорно согнула и развела колени, попытавшись отвернуться, но этого Алекс ей не позволил. Мягко повернул лицом к себе, поцеловал и влажные ресницы, и губы – каждый уголок по отдельности, а потом все вместе и по-настоящему, а потом снова – скулы, глаза, губы... Дилдо вошло глубже, и Алекс отпустил его рукоятку, давая Маред время привыкнуть к ощущению и перестать пугаться.

Поняв, что боли нет, девчонка слегка расслабилась, вдохнула побольше воздуха... Алекс погладил ее бедра изнутри, обвел пальцем скользкую плотную жемчужину, бесстыдно выдающую возбуждение, а потом нажал кнопку на рукоятке дилдо – Маред ахнула и дернулась под его руками.

– Больно? – промурлыкал Алекс, прекрасно понимая, что никакой боли там быть не может, как раз напротив.

Вместо ответа девчонка снова всхлипнула, невольно выгибаясь всем телом. Алекс молча улыбнулся, любясь, как мгновенно загорелись ее щеки. Астерон – прекрасный источник энергии для ламп, кухонных плит, мобилеров и даже сложной умной техники. А это устройство совсем простенькое: полое внутри каучуковое дилдо, кристалл и несколько соединенных пластин, вибрирующих и передающих эту дрожь через упругий материал наружу...

Наклонившись, он сказал в приоткрывшиеся навстречу губы:

– Ах, Маред, вы сейчас так прекрасны... Открой глаза, девочка, посмотри на меня.

Подчинившись, она открыла затуманенные, едва ли что-то видящие глаза, попыталась глянуть ему в лицо, но тут же снова зажмурилась, окончательно заливаясь краской.

– Понимаешь теперь? – опять промурлыкал Алекс, медленно глядя ее всю ладонями: плечи, бока, грудь, бедра сверху и внутри, между откровенно раздвинутых ног. – Понимаешь, как я тебя хочу? Мое собственное маленькое чудо... Девочка моя ненаглядная, красивая, горячая, самая желанная...

Взявшись за рукоятку дилдо, он потянул его, а потом снова толкнул – и услышал стон-всхлип. Свободной рукой погладил горячую щеку девушки, медленно убрал ладонь – и Маред невольно потянулась за ней, пытаясь продлить ласку. Открыла глаза, пьяные, совершенно шальные, посмотрела беспомощно...

– Все хорошо, – ласково шепнул Алекс, глядя пальцами ее губы. – Все правильно, девочка. Именно так, как и должно быть. Хочешь еще?

Не дожидаясь ответа, опять двинул дилдо вниз-вверх, и еще раз... Девчонка скулила, вжимаясь спиной в постель, приподнимая бедра навстречу, мотая головой и пряча взгляд. Но стоило Алексу надавить еще немного, сжала его руку коленями, не сопротивляясь, а напротив – сильнее подаваясь вперед.

– Умница, – мягко сказал Алекс, уже и сам изнемогая от возбуждения. – Вот так, да...

Встав, улыбнулся невольно метнувшемуся за ним взгляду и медленно, напоказ расстегнул рубашку. Маред смотрела с кровати, тяжело дыша, уже не пытаясь зажмуриться, и стыд в ее глазах мешался с чем-то определенно новым. Все так же медленно Алекс скинул рубашку, расстегнул и спустил брюки, оставшись в облегающем коротком белье, взялся за него... Девчонка наконец вспомнила, что ей положено стесняться, и отвернула пылающее малиновым румянцем лицо. Глупышка... Милая, страстная, и в самом деле невыносимо желанная.

– Тье Уинни, – окликнул ее Алекс с усмешкой. – Я не так часто устраиваю подобные представления, советую не упускать случая. И позвольте узнать, чего именно вы у меня еще не видели?

Подействовало. Маред прикусила и без того распухшую и яркую от возбуждения губу, глянула возмущенно и вызывающе. Алекс, нежась под этим жарким, как летнее солнце, взглядом, стянул белье окончательно, опустил на постель рядом с Маред и снова обнял ее. Улыбнулся, целуя раскрывшиеся навстречу губы, легонько скользнув между них языком. С трудом оторвавшись от влажной

горячей глубины, сказал хрипло:

– Я ведь обещал, что тебе понравится, помнишь? Слушай себя, девочка. Не мораль, которой тебя учили, не трусливый разум, а свое тело, которое молчало все эти годы. Позволь ему говорить с тобой...

Свободной рукой он двинул дилдо между бедер Маред, чувствуя, как она трется о его руку коленями, и посмотрел в бездонную арктическую глубину глаз, где – наконец-то! – таял лед.

– Хочешь меня? Или еще поиграем?

– Хочу... – выдохнула Маред, не отводя отчаянного взгляда.

Напряглась, выгибаясь, облизала губы и беспомощно попросила, явно не осознавая, как это действует на Алекса:

– Развяжите... пожалуйста... Ну хоть сегодня не надо... Я... хочу сама...

От этого тоже охрипшего голоса, капелек пота на виске и влажных ресниц над тающими айсбергами у Алекса перехватило дыхание. Протянув руку, он нащупал застежку наручников на столбиках кровати, с трудом попадая пальцами, расстегнул. Уже потом запоздало понял, что проще и правильнее было бы начать с запястий. Это у него темнеет в глазах от одного вида кожаных лент на смуглом золоте кожи, а девочка хочет свободы.

Потратив еще одну бесценную, невыносимо долгую минуту, он снял наручники окончательно. Взял запястья Маред и сказал, еле шевеля губами от сдерживаемого напряжения:

– Видишь? Все как ты просишь...

Осторожно растер и погладил тонкие руки, на которых остались едва заметные следы, и, поднеся к губам, приласкал языком. Дилдо, выполнившее свою задачу, легко выскользнуло из тела девушки. Отбросив его, Алекс опустился на Маред, накрыв ее телом, и девчонка уткнулась лицом ему в плечо, всхлипнув под гладящими ее плечи ладонями. Обняла сама: неловко, неумело, но старательно.

– Де-е-е-евочка... – выдохнул Алекс, толкаясь в горячее, скользкое, шелковисто-гладкое лоно. – Моя...

Замер, готовый к слезам или истерике, но Маред подалась к нему навстречу, простонав что-то, вцепилась в спину неожиданно сильными пальчиками. Алекс, просунув ладони, приподнял ее, удобнее устраивая на подушках, а потом все мысли исчезли из головы, потому что все, наконец, стало единственно правильным и верным. Маред таяла и билась в его руках, отдаваясь яростно и жадно. Прижималась и снова откидывалась на подушки, томно выстанывая каждый толчок, терлась щекой о его плечо, безмолвно прося и требуя, и Алекс давал ей это и сам брал с мучительной неутолимой жадностью, только краешком сознания следя, чтобы не оставить следы там, где их не спрячет платье.

В последний момент, когда он уже испугался, что не выдержит раньше, Маред хрипло вскрикнула, чувствительно царапнув ему спину, и долго застонала. Алекс, едва слыша ее, толкнулся еще раз, и еще... и, уже не сдерживаясь, излился сам – мучительно сладко, жарко, долго.

Сразу же, едва опомнившись, он перекатился набок и обнял горячее влажное тело Маред, слушая тихие всхлипы, прижал к себе. Глупая девочка, неужели и сейчас все поняла неправильно? Что он там думал? Отпустить ее? Полная чушь. Просто с самого начала повел себя неверно. Девчонка боится боли и унижения, а если вот так, ласково...

– Успокойся, – прошептал он, целуя зажмуренные глаза с трогательно мокрыми ресницами. – Все хорошо...

Маред замотала головой, но не отстранилась, а даже обняла его крепче, уткнувшись лицом в плечо. Ну разумеется... Пришла в себя, осознала глубокую непристойность своего поведения и желаний... Алекс вздохнул. Не переставая гладить ей спину, устроил голову Маред удобнее на своем предплечье, обнял другой рукой.

– Это всего лишь удовольствие, – напомнил терпеливо. – А ты – взрослая свободная женщина. Глупо прятаться от чувственной стороны жизни и бояться собственных желаний... Что плохого в том, что мы делали? Кому это повредило?

– Это... порочно, – еле слышно отозвалась Маред, подтверждая его недавние догадки.

– Нет, девочка. Порок – это насилие над тем, кто не согласен. Порок – это совратить ребенка или сподвигнуть кого-то, чтобы уложить в постель. Принуждение, использование слабости или беззащитности... Порочно было бы то, что могло случиться у нас при первой встрече. И почти случилось... Но даже в этом случае – запомни – вина никогда не лежит на жертве. А сейчас ты пришла ко мне сама, верно? Можешь стыдиться общественной морали, хоть это и глупо, но не обвиняй меня в насилии, а свое тело – в предательстве. И то, и другое – нечестно. Ты не виновата в удовольствии своего тела, и хватит переживать.

Он почти силой развернул к себе лицо Маред и снова нежно поцеловал, с неудовольствием отметив мокрые от слез щеки. Впрочем, женщинам полезно иногда поплакать. Слезы – шлюз в плотине разума, ограждающей чувства. Если запереть эту плотину накрепко, не позволяя слезам иногда излиться, чувства переполняют сердце и захлестывают разум, приводя к настоящей беде. А Маред Уинни слишком долго жила исключительно велениями разума. Это необходимое умение, чтобы выжить, но отвратительное качество, чтобы просто жить.

И только он успел подумать, что девочку надо отвлечь, раз уж она не умеет пока нежиться и ласкаться после полученного наслаждения, как Маред заговорила, так и не открыв глаза:

– Я... доделала контракт. Вторую версию, с учетом поправок...

– Прекрасно, – с облегчением улыбнулся Алекс. – Возьми его завтра с собой, я посмотрю, пока будешь на занятиях.

Он ткнулся губами в чуть влажные душистые завитки волос на голове девушки, спросил:

– Хочешь спать?

Маред слегка пожала плечами, явно раздумывая, как выгоднее ответить. Потом заворочалась и промолвила очень несчастным голосом:

– Я должна кое-что сказать. Нам сегодня показали конкурсную работу. Тендер для франкской страховой компании. Ну, вы же знаете...

– Разумеется, я знаю, – согласился Алекс, щурясь от удовольствия, что все верно рассчитал и девочка не прошла мимо такой возможности.

– Я унесла из конторы документы на ключ-камне, – еще несчастнее сказала Маред. – Нас предупредили, что нельзя, но на работе совсем нет времени. А послезавтра выходные...

– Какой ужас, – серьезно ответил Алекс, осознав сравнительный масштаб проблемы и прилагающихся к ней переживаний. – Грубейшее нарушение внутренней процедуры персональной ответственности! Вы уже видели эти документы, тье Уинни?

– Н-н-нет...

– Что ж, – зевнул Алекс, – тогда мы с тьеном Даффи постараемся сохранить конфиденциальность, не прибегая к физическому устранению свидетелей. Не убивать же вас...

Сжалившись, он фыркнул:

– Успокойся. Забирать документы не следовало, но раз уж сама призналась... На первом этапе там ничего действительно секретного. Можешь не удалять, только не оставляй без присмотра. Завтра Кормака Даффи в конторе не будет, а в понедельник подойдешь и попросишь разрешения взять материалы домой под личную ответственность. Только не говори, что уже успела это сделать.

– Благодарю! – выдохнула Маред, словно ей пообещали давно желанный подарок, и Алекс негромко рассмеялся.

– После того, чем мы занимались, вспоминать о контрактах? – сказал он насмешливо и ласково. – Девочка, я от тебя в восторге. Или это я был настолько плох в постели, что тебе пришлось, как истинно добродетельной лэди, закрыть глаза и думать о Великобритании?

Чмокнув насупившуюся Маред в кончик носа, он потянул девушку на себя сверху, положив ладони на восхитительно горячую и гладкую кожу. Маред замерла у него на груди, едва дыша. Глядя в удивленно-настороженные глаза, Алекс мягко произнес:

– Сегодня больше никаких мыслей и разговоров о делах. Мы так и не выяснили, любишь ли ты массаж... Исправим это упущение?

И медленно заскользил по ее спине кончиками пальцев, прикрыв глаза и слушая неровное глубокое дыхание на своем плече.

* * *

Монтроз спал, разметавшись по постели. Маред, очнувшись, будто ее толкнули, приподнялась на локте и вгляделась в спокойное лицо, освещенное лунным светом. Спящий лэрд Корсар выглядел куда мягче и даже моложе, сейчас в нем не было привычной дневной жесткости и постоянного внутреннего напряжения. Спящий он был... безопасен? И все-таки Маред не хотела остаться в этой роскошной спальне, а утром, едва проснувшись, увидеть Монтроза и услышать его самоуверенно-ласковое «девочка». Вот не хотела – и все!

Она тихо встала, стараясь не разбудить спящего, сгребла вещи и выскользнула, накинув халат, из спальни. Прошмыгнула к себе и лишь тогда поняла, что проснулась от озноба. Противное недомогание началось после весенней простуды, от которой она так и не вылечилась толком, до сих пор покашливая в дождь. После напряженной работы над очередным заказом, стоило несколько дней не выспаться, озноб непременно являлся вечером вместе со слабостью и головной болью, но ничего странного в этом не было. Маред просто забиралась в постель с чашкой некрепкого горячего кофе и старалась согреться и уснуть.

В этот раз озноб вернулся как-то особенно сильно, она даже дверь с трудом открыла, сразу нырнув под одеяло, сжавшись и обняв колени руками, чтоб согреться. Стиснула зубы, чтоб не стучали, и с тоской поняла, что здесь на кухню за кофе не пойдет и вызывать горничную среди ночи не станет. Ничего, само отпустит...

На душе было тошно. Монтроз мог сколько угодно успокаивать, быть неожиданно нежным, умелым и заботливым, но так неправильно. Маред чуть не

застонала от стыда, стоило вспомнить, что с ней творилось. Нет, что она творила, – так честнее – всем телом откликнувшись рукам и губам Корсара, его низкому голосу и то ласково-нежным, то насмешливым словам. А еще тому, что он вытворял этой проклятой штукой...

Маред уткнулась лицом в одеяло, обняла его руками и ногами, как привыкла с детства, лежа в своей маленькой спальне и мечтая, что кто-нибудь подойдет и погладит по голове, подоткнув одеяло. Но отец всегда допоздна сидел за работой, горничная прощалась, потушив свет, и Маред засыпала в обнимку с одеялом, потому что спать с игрушками тоже было блажью и распушенностью.

Завтра ей бы стоило отлежаться, но ведь утром полегчает, верно? А Монтрозу она найдет, что сказать, если тот спросит, почему Маред ушла. Лэрда стряпчего ее нездоровье не касается, сколько бы тот ни распространялся о доверии. Хватит и того, что неожиданно для самой себя Маред призналась в глупости с тендером. Хорошо, что обошлось! В ее ушах до сих пор стояли слова лэрда, сказанные с холодным жестким удовлетворением, как он лично позаботился разрушить жизнь предавшего его стряпчего. Вот так-то, тье Уинни, – задумайтесь. У доверия и вправду две стороны, но одна из них, когда доверие оборачивается предательством, темная и опасная.

ГЛАВА 4. Бабочка у свечи

– Убью негодяя! Узнаю кто – убью! Да чтоб ему баргест повстречался!

Тье Эстер сочувственно покачала головой, не отрываясь от работы. Впрочем, даже ее замечательное равновесие духа имело пределы – тье слегка поморщилась. Маред подумала, что невозмутимую пожилую даму больше раздражает поведение Тилли, мешающей ей работать, чем происходящее в отделе. А может, одно сочетается с другим. Неприятно, когда рядом с тобой происходят противные мелкие гадости! Но Тилли слишком уж громко и часто возмущается, лучше бы и вправду попыталась выяснить, кто это делает – не может ведь быть, чтоб никто ничего не заметил.

Однако сердиться всерьез и подолгу секретарша не умела. Хлопнув опустевшим ящиком стола так, что тот едва не вылетел из пазов, она с торжеством извлекла из сумочки коробку с шоколадом.

– Тье Эстер, будете конфетку? А вы, Маред?

– Благодарю, нет, – в голосе почтенной тье проскользнули холодные нотки. – И осторожнее с бумагами, милая... Шоколад оставляет пятна.

Маред улыбнулась ничуть не обескураженной Тилли, покачала головой и снова уткнулась в документы, всем видом показывая, как занята. Взгляды тье Эстер на еду и напитки возле документов она полностью поддерживала, но не делать же замечания коллеге, которая работает здесь куда дольше тебя? К тому же Тилли старается быть милой... Может, удастся с ней подружиться?

Маред украдкой покосилась в сторону секретарши. Держа конфету, свободной рукой Тилли накручивала на палец длинную прядь, умело выпущенную из прически, чтобы обрамлять личико, и даже с расстояния нескольких шагов было видно, каким блестящим ярко-розовым лаком покрашены ногти. Слишком длинные, кстати, чтобы с удобством работать на клавиатуре. Маред вздохнула и посмотрела на собственные руки. Наверное, это она сама неправильная женщина. Чернильные пятна только-только полностью сошли, можно бы отрастить ногти и заглянуть в салон красоты – сделать что-то похожее. Пусть не такое яркое, но милое и женственное. Как-то после свадьбы она попробовала – хотела быть как можно красивее для Эмильена.

Оказалось, что стоит ногтям отрасти чуть длиннее, и работа на вычислителе жутко замедляется, а блестящий, как леденец, лак мгновенно тускнеет и трескается от воды с мылом, уксуса, лимонного сока и прочих средств поддержания порядка в доме. У них, разумеется, была служанка, но платить ей столько, чтобы совершенно избавить хозяев от домашних забот, семья Уинни никак не могла себе позволить. Поэтому болтливая, но расторопная девица не жила в доме, а приходила на половину дня и занималась только грязной работой вроде крупной стирки, чистки камина и кастрюль, мытья и натирания полов воском. Остальные домашние заботы ложились на Маред, но Эмильен клятвенно обещал, что, как только завершит свою работу и возьмет патент на изобретение, его маленькой женушке больше не придется и пальчиком прикоснуться к грязной тарелке или стирке рубашек. А пока нужно немножко потерпеть...

И Маред терпела. Обойтись без длинных ногтей, пышно уложенных локонов и модного платья – это такие мелочи. К тому же Эмильен обожал ее именно такой, ему нравилось, когда она одевалась скромно, как подобает приличной замужней тье. Строгие темные платья, удобное белье, практичная обувь... Хороший вкус и

респектабельность – вот главные помощники женщины. И Маред понимала, что это настоящая любовь, потому что муж искренне считает ее красивой и не заглядывается на ярких кокеток. Тилли, с ее густо накрашенными ресницами, блестящими от помады губами и приталенными блузочками, он наверняка счел бы слишком легкомысленной, да и на новое платье Маред покосился бы неодобрительно – да, темно-синее, но как подчеркивает фигуру!

«Прекрати, – остановила она себя. – Хватит. Он был твоим мужем, так что имел полное право решать, как тебе одеваться... И, между прочим, был прав. Пока ты пряталась от мужских взглядов и была незаметной, как истинная Чернильная Мышь, все было хорошо. Ты была в безопасности. А стоило однажды попасться мужчине – и посмотри, в кого ты превратилась. Наложница и содержанка! Но... ведь другие как-то ухитряются быть привлекательными и при этом чувствовать себя спокойно? Посмотри хотя бы на Тилли...»

Словно почувствовав внимание Маред, девушка ответила ей задорной улыбкой и снова опустила длинные пушистые ресницы, не просто накрашенные, а явно еще и завитые. Да и глаза подведены так, что превратились в дивные восточные очи, как у сказочной пери. И плевать Тилли, что краситься днем – это на грани приличий для незамужней девицы. Она-то явно счастлива, когда цокает по паркетному полу конторы высокими каблучками изящных туфелек, и на это цоканье оборачиваются все мужчины поблизости. Попробовал бы кто-нибудь сравнить ее с мышью! И попробовал бы кто-нибудь оскорбить ее непристойным предложением...

Маред сглотнула горькую слюну, обнаружив, что сидит, уставившись в страницу с расчетом, и цифры расплываются перед глазами. Да хватит же! На работе следует думать о работе! Так, с этой таблицей – все готово. И тут собственный рассудок снова начал предательски играть с ней излюбленную игру последних недель «если бы не Монтроз».

Как бы она жила сейчас, если бы на свою беду не попала в лапы милэрду Монтрозу? Да, самую гнусную роль сыграли тьен Оршез и враги королевского стряпчего, но если бы лэрд не обратил на нее внимания... Что бы с ней было? Вот сегодня пятница, весь Лунден отмечает окончание рабочей недели. А завтра и послезавтра кто-то уедет на пикник, а кто-то просто будет гулять в парке и по бульварам, смотреть уличные представления, кататься на лодках по Темезу и парковым прудам... Она тоже могла бы!

«Если бы не Корсар-Монтроз, ты бы себе не позволила даже задуматься о подобном, – возразил внутренний голос. – Сидела бы дома и строчила очередную работу. Какой парк и гулянья? Много ты на них ходила?» «Я была в трауре», – возразила Маред. «Траур закончился – и что? Помнишь, что сказала о вдовстве и новом замужестве твоя квартирная хозяйка, которую ты втайне презирала за невежество и глупость? А почтенная женщина поумнее тебя будет. Или ты решила всю жизнь оплакивать Эмильена? Очень добродетельно, не спору. Только добродетель должна идти от сердца, а у тебя она от страха,мышь несчастная...» «Нет же, – попыталась сопротивляться беспощадной правдивости своих мыслей Маред. – Я просто хотела закончить Университет! Получить диплом, найти достойную работу, пережить боль...» «Как? Прячась от всех мужчин на свете? Как ты собиралась играть с ними на равных в их деле? Как надеялась превзойти их, если боишься высунуть нос из норки? Ты же избегаешь мужчин, как огня – в прямом смысле. А его светлость Монтроза избегать бесполезно – он знает, чего хочет, и берет это, не обращая внимания на чужие благоглупости. И ведь с ним ты еще как чувствуешь себя женщиной. И удовольствие получаешь. Причем такое, которое с законным любимым мужем даже представить себе не могла и не знала, что подобное существует в жизни, а не только на страницах дамских романов. Но при этом врешь сама себе и во всех своих бедах винишь других. Оршеза – за то, что решилась на воровство. Чисхолма – за то, что уступила шантажу и стала постельной игрушкой. А Монтроза – за то, что тебе нравится делить с ним постель, но согласиться на это в открытую тебе стыдно, а отказаться – страшно. Добродетельная трусливая дура, вот ты кто, Маред Уинни...»

«Замолчи, – уже не понимая, кого просит, взмолилась Маред. – Замолчи, пожалуйста! Я все понимаю... И я поговорю с лэрдом. Но не сейчас же? Сейчас у меня отчет. Отчет!»

«Вот и думай об отчете, – успокаиваясь, отозвался голос. – Монтроз, может быть, и оставит тебя в конторе, когда закончится ваш договор, но сможешь ли ты остаться, если будешь знать, что это – плата? Нет уж, ты должна быть лучшей. Настолько, чтобы ни сама, ни кто другой не могли даже усомниться, что это заслуженно. А место – настоящее, законное – практикантам обещано только одно. И если хочешь подружиться с Тилли, купи конфет и угости ее сама – так будет вежливее».

Маред тяжело вздохнула, потирая виски пальцами. Дожилась – разговаривает сама с собой и при этом чувствует себя же душой.

Она все-таки домучила запланированную часть отчета, под конец даже испытал ощущение прежнего азарта. Все-таки цифры и определения – это не люди. С ними ей легко, они не подведут и не умеют предавать и издеваться. Оптимизация, милочка... Как вы чудесно выглядите, дорогая моя!

В кофейне настроение только улучшилось. Настолько, что когда Маред, уже оказавшаяся почти у самой прилавка, заметила вошедшего Макмиллана, она рискнула поймать его взгляд и улыбнуться.

– Доброго дня, коллега, – отозвался Макмиллан, подходя и небрежно кланяясь. – Согласны пролонгировать наш договор? С меня – столик, с вас кофе и...

– Что-нибудь? – осмелилась пошутить Маред.

– Отличный выбор! – с ироничной серьезностью подтвердил лэрд. – О, а вот и столик освободился. Пойду-ка, заявлю право на временное владение.

Маред посмотрела ему вслед и снова невольно улыбнулась. Как странно... Его светлость держится настолько просто, что трудно помнить о его титуле. И, пожалуй, это единственное, что роднит его с Монтрозом, – полное отсутствие напыщенности. При этом оба не позволяют окружающим и тени фамильярности, просто чувствуют себя настолько выше, что уважительное отношение подразумевается само собой. Но Макмиллан – аристократ по рождению, а как это дается выросшему в приюте Монтрозу?

Она взяла двойную порцию отбивных с неизменным салатом и два кофе – черный, без сахара и покрепче, будьте любезны. Вспомнив о Тилли, добавила коробочку конфет. Лэрд, встав, принял у нее поднос и помог расставить тарелки, хотя по этикету... Запутавшись, Маред легкомысленно махнула на этикет рукой и, пожелав приятного аппетита сотрапезнику, принялась за еду. Макмиллан тоже не усердствовал в застольной беседе, но его молчание выглядело спокойным, доброжелательным и совершенно естественным.

За кофе они потянулись одновременно.

– Любимые конфеты тье Тилли... – не то сообщил, не то уточнил лэрд, мельком глянув на коробочку.

– Да... – слегка смутилась Маред. – Я подумала, что она расстроена из-за пропаж... Интересно, кто это делает?

– Интереснее даже не кто, а зачем, – сказал Макмиллан, отпивая кофе и слегка жмурясь от удовольствия.

Его худое, некрасивое и невыразительное лицо стало живым, словно оттаявшим.

– Да, конечно, – подхватила Маред. – Это же мелочь... Но если выяснится – такой позор!

Она сама глотнула кофе, покатала горьковатую маслянистую жидкость на языке, смакуя.

– Некоторые мысли у меня имеются, – признался лэрд. – Но я могу и ошибаться. Еще один любопытный вопрос – как? Стол Тилли всегда на виду, а тье Эстер почти не покидает комнаты. Подозревать почтенную даму – как-то слишком экстравагантно...

– Тье Эстер? – изумилась Маред. – Зачем бы ей?

– Вот и я думаю – зачем? – согласился Макмиллан. – Впрочем, это просто версия. Вы не передумали участвовать в охоте на франкский тендер?

Маред едва не поперхнулась горячим кофе от такой резкой смены темы.

– Не передумала. А... что?

– У меня случился небезынтересный разговор с дедом...

Лэрд извлек из жилетного кармана тонкий блокнот с карандашиком на цепочке, открыл его и нарисовал аккуратный овал, подписав его мелким четким почерком.

– С франкской стороны покровителем и куратором проекта выступает некто сир ле Парьез. По характеристике деда – личность чрезвычайно дотошная и пунктуальная, досконально знающая проект и чрезвычайно заинтересованная в

успехе. Подозреваю, интерес у него личный. Сир ле Парьез также известен как горячий сторонник общеевропейского слияния деловых и юридических институтов, но, разумеется, с первенством Франкии. Его идеал – некое целостное пространство коммерции и правоведения, где Франкия будет выступать законодателем и арбитром. В нашем же случае важно, что сир безусловно будет настаивать на включении в работу над проектом определенного числа франков – для контроля. Следовательно?

– Особое внимание интеграции франкского отделения страхового общества с бриттским, – кивнула Маред, следя за тонко очиненным карандашом, изобразившим что-то вроде соединенных колец. – Изначально запланировать их тесное взаимодействие. И обязательно – она вспомнила рассказ Монтроза – аккредитовать всех иностранных сотрудников по требованиям Торговой гильдии и Судебной палаты. Причем не общая аккредитация для франкского филиала, а получение персональных лицензий на работу.

– Прекрасно, – с явным удовлетворением отозвался Макмиллан. – Вы меня чрезвычайно радуете, коллега. Вот вам первый козырь в игре. Второй – франки ориентированы на расширение. В настоящем виде бриттская компания интересна им исключительно как площадка под строительство собственной. Они собираются выйти на бриттский деловой форум всерьез, значит, им нужна ясная надежная перспектива сотрудничества.

– Репатриация полученной филиалами прибыли напрямую через столичное налоговое ведомство, – почти машинально отозвалась Маред. – Льготы, положенные иностранным компаниям, вкладывающим прибыль в деловые предприятия на территории Великобритании. Предварительное утверждение проекта в министерстве финансов согласно закону об антимонополии. И если сир ле Парьез такой сторонник объединения, то совместная регистрация будущей компании на территории Великобритании и Франкии под патронажем последней.

– Знаете, Уинни, – после паузы задумчиво отозвался Макмиллан, глядя на нее как-то странно, – а вот теперь вы меня не просто удивили, но и щелкнули по носу, пожалуй... Не ожидал.

Маред жгуче залилась краской и опустила взгляд к блюдцу, рисунку – куда угодно.

– Это обязано сработать должным образом, – услышала она все такой же задумчивый голос лэрда. – Определенно обязано.

– Скажите, милэрд, – тихо спросила Маред, прекрасно понимая, что такие подарки в деловых кругах не делаются просто так. – Что я буду должна лично вам?

Она подняла взгляд, в упор посмотрев на человека, которому по рождению и положению в обществе не должно быть решительно никакого дела до подобной «коллеги».

– Чашку кофе, – усмехнулся лэрд своей обычной малоприятной усмешкой, словно режущей лицо изломом тонких губ. – Чашку кофе в любой кофейне на ваш выбор – и ничего более, клянусь тартаном нашего клана. Я, конечно, мог бы попросить фиктивное участие в проекте и тем самым обнадежить почтенного главу Макмилланов, моего деда, но именно потому не стану. Главное – постарайтесь выиграть. Мне бы очень этого хотелось.

В серых глазах Макмиллана светился азарт, делавший его почти привлекательным. Маред продолжила, чувствуя себя, словно ступает по тонкому льду. Возможно ли, что ей дарят что-то, не желая взамен выгоды и не готовя подвоха?

– А почему вы не предложили такую фору Финлисону? Или тьену Даффи? Они смогли бы помочь вам не хуже, а то и лучше.

Вокруг волнами плескался шум голосов, звяканье посуды, смех и звонки фонилей, а вокруг их столика будто дрогнула и застыла не тишина, но какая-то вязкая плотная преграда, отгородившая Маред и Оуэна Макмиллана от внешней суматохи. Отстраненно Маред услышала где-то вдалеке бой часов на башне Большого Тома. Половина первого – конец обеденного перерыва, пора возвращаться к трудам праведным. Макмиллан глянул на нее пронзительно, блеснув черными зрачками, пожал плечами.

– Финлисон – самовлюбленный дурак. Он в жизни не сможет правильно использовать то, что вы схватили на лету. А Даффи мог бы. Но я не собираюсь служить под его руководством, поэтому не вижу ни малейшего смысла делать столь дорогостоящие подарки.

– Однако сделали его мне? – прямо спросила Маред, и Оуэн усмехнулся уголками рта.

– Вам – да. Вы мне интересны, Уинни. О, ничего такого, не беспокойтесь. Сначала я заинтересовался женщиной, которая смогла превзойти меня на экзамене. Пусть ненамного – но обойти. Я не люблю коммерческое право, но не могу позволить себе не знать его – при моем воспитании и образовании это неизбежно. А вы в нем хороши, как в истинно любимом деле – это я быстро понял. А присмотревшись, заметил еще кое-что любопытное.

– И что же? – напряженно спросила Маред, чувствуя, как сердце начинает стучать чаще и вовсе не от кофе.

– Многое, – снова улыбнулся Макмиллан. – Например, ваш фониль.

– Фониль?

Маред с недоумением глянула на старенькое устройство, выглядывающее из внешнего кармашка ее сумки.

– А что с ним?

– Ровным счетом ничего, кроме почтенного возраста, – в голосе Макмиллана ясно слышалась ирония. – Готов поспорить на ежедневный кофе до конца нашей практики, что ни у одного стряпчего в этой конторе такого раритета больше нет.

– Не все ли вам равно? – холодно отозвалась Маред, злясь, что нельзя ответить резкостью человеку, который только что оказал тебе столь ценную услугу. – Я к нему привыкла.

– Не обижайтесь. Я сам привязываюсь к старым надежным вещам. Речь не об этом. Например, в первый день у вас на шее был платок. Совершенно случайно пару недель назад я покупал точно такой в подарок своей матушке, лэди Макмиллан. В весьма дорогом магазине... И помню сумму на чеке – она была достойна того, чтобы даже я ее запомнил. А вы знаете, сколько стоит эта чинская безделушка?

Он смотрел на Маред, откинувшись на спинку стула, чуть покачивая в пальцах чашку с кофе, и говорил спокойно, бесстрастно, почти сожалеюще. Словно ожидал, что Маред вот-вот вскочит и уйдет.

– Это подарок, – с трудом выговорила она, кляня мерзавца Монтроза, поставившего ее в такое сомнительное положение. – Я представления не имею, сколько он стоит.

– Охотно верю, – кивнул Макмиллан. – Вы крайне интересная особа, Уинни. Я получал образование дома, но экзамены-то сдавал в Университете, и, принадлежи вы к определенному обеспеченному кругу студентов из лучших семей Лундена, я не мог бы с вами не познакомиться раньше. Любопытно, правда? Еще один повод для размышления: вы очень привлекательны, но совершенно не кокетливы и явно не находите ничего приятного в мужском внимании. А ведь с такой внешностью вы должны были привыкнуть в нем купаться. Да, вы вдова, но знали же вы мужчин и кроме вашего супруга. Наконец, мелочи вроде старого потрепанного фоналя и отсутствия украшений. Вы одеты и причесаны с прекрасным вкусом, но не носите даже сережек. Я могу ошибаться, конечно, но чаще всего это говорит о том, что старые украшения не подходят к новому наряду, а новыми, по какой-то причине, вы еще не обзавелись... Интригующая картина получается в целом, не так ли?

– И... что? – на мгновение прикусила губу Маред. – Все, что вы сказали, имеет объяснение. Но я не обязана...

Она услышала в собственном голосе звонкую злость, но на самом деле испугалась. Как он смог так легко и глубоко заглянуть в ее жизнь? Он опасен! Да, здесь и сейчас она не делает ничего плохого, но привлечь чье-то внимание для нее – гибель репутации. А еще таинственные враги Монтроза... Неужели она совершила страшную ошибку, сблизившись с пытливым и пугающе проникательным лэрдом?

– Конечно, вы не обязаны мне ничего объяснять, – вздохнул Макмиллан. – И я еще раз прошу – не обижайтесь. Я ни с кем не поделюсь мыслями, обещаю, просто мой разум так устроен, что непрестанно строит какие-то дурацкие теории на основании не менее дурацких замечаний. Знали бы вы, как это мешает просто общаться с людьми.

Сейчас он выглядел почти виноватым, но Маред не обманывалась – настоящую ищейку не сбить со следа, а Макмиллан напоминал ей именно это – чуткого, умного и очень упрямого пса.

– Вы не думали о работе в полиции? – хмуро спросила она. – Или лучше в частном сыске. Затмили бы знаменитого лэрда Гилмура и тоже стали героем романов.

– О, вы читаете романы про Гилмура? – оживился Макмиллан. – Они великолепны! И ради Луга, коллеги Уинни, забудьте, что я вам тут наговорил. У любого человека хватает странностей.

– Ничего страшного, – сказала Маред и старательно улыбнулась.

Неизвестно, насколько хорошо у нее вышло прикинуться беспечной, но Макмиллан тоже с облегчением сменил тему, и через минуту, поднимаясь в отдел, они уже обсуждали последнее дело лэрда Гилмура, угодившего в заговор отставного адмирала королевского флота против князя вампиров, совратившего и погубившего его внуку. Макмиллан утверждал, будто понял интригу романа даже быстрее лэрда Гилмура, и приводил безупречные доказательства, так что Маред могла только удивиться, почему знаменитый сыщик не увидел всего этого сам... И как же было жаль, что ей стоит держаться как можно дальше от такого интересного собеседника. Иначе, позволяя лэрду и дальше задумываться над ее странностями, Маред будет слишком похожа на любопытную бабочку, которая сама летит на огонь.

* * *

После обеда с неба, подгоняемое ветерком, умчалось единственное застенчиво заглянувшее на него облачко, и каменная мостовая снова нагрелась, а в мобилер Алекса влетела тополиная пушинка. Села доверчиво на предплечье, дрожа от ровного гула ветрогона, вцепилась крошечными крючками в рукав тонкого летнего сюртука. Эфемерная частичка жизни среди камня, кирпича и стекла городских улиц... Алекс покосился на пушистую тополиную снежинку, потом глянул на часы. Без четверти шесть, и забрать Маред в обычное время он уже не успевает. Откровенно говоря, он и в школу вождения предпочел бы не поехать, но ведь сам предложил, никто не заставлял.

Впрочем... если Маред проедет несколько улиц в наемном кэбе, то они как раз встретятся на полпути к школе. Алекс вытянул из кармана фониль и нажал кнопку вызова. Девчонка ответила почти сразу и так же бесстрастно, как и всегда, словно боялась сказать лишнее или выдать раздражение голосом.

– Слушаю вас...

Значит, рядом кто-то есть, и обратиться ни по имени, ни по титулу Маред не может.

– Я не успеваю, – негромко сказал Алекс. – Возьмите кэб. Я буду ждать у фонтана Эппл-Гарден.

Отложив фониль, он снова сосредоточился на дороге, а то впереди показалась карета, едущая ровно посередине улицы, невзирая на правила. Когда уже мэрия Лундена выделит специальные дорожные полосы для мобилеров? Невозможно же пробраться по городу из-за таких вот любителей древности. То лошадь заупрямится, то в конские яблоки въедешь, а потом колеса воняют... Не современная столица цивилизованного государства, а Темные века какие-то!

Допустим, в школе они пробудут часа полтора. Туда еще нужно доехать, потом оттуда... Выходит, что раньше девяти добраться домой никак не выйдет. Остается надеяться, что оно того стоит. Очень уж восхищенные глаза были у Маред за рулем «Драккаруса» – Алекс даже улыбнулся, вспоминая. Придется учить...

Маред выпорхнула из кэба точно, как он и рассчитал, – минут через пять после самого Алекса. На несколько мгновений он отвлекся на упрямую пушинку, так и проехавшую на его рукаве изрядную часть Лундена, нацелился сбить ее щелчком – и вот уже тье Уинни стоит у дверцы мобилера, по обыкновению едва заметно хмурясь и пряча взгляд. Хотя нет, просто устала, кажется.

Конец недели. Кто-то задерживается на работе, чтобы успеть ее доделать, кто-то торопится в кофейню или собирается на пикник за город. Интересно, девочка, если бы не я... Будь ты обычной служащей в какой-нибудь конторе – куда бы ты пошла вечером? Домой, корпеть над очередным заказом? Похоже – да. Не сводить ли тебя в клуб? Можно даже не в «Бархат», а для начала выбрать место потише и поспокойнее. «Бархат» с непривычки способен изрядно напугать

вольностью нравов. По крайней мере, в пятницу вечером, когда там полно посетителей. Да и вообще – у нас же занятия.

Маред села рядом, сложив руки на коленях, обтянутых темно-синим шелком платья. Ожидая покосилась на Алекса.

– Едем в школу, – кивнул он, трогая рычаг. – Вы голодны?

– Нет пока... Я недавно пила кофе.

– Тогда поужинаем после, пожалуй. Где-нибудь в городе.

Он свернул с бульвара на соседнюю полупустую улицу, прибавил скорости. Говорить вроде было не о чем, он и сам устал. Сейчас бы все-таки домой, а по пути свернуть к реке и окунуться в прогретую за день воду...

– Может быть, не надо? – тихонько спросила Маред и, опустив взгляд, пояснила: – Если у вас на этот вечер были другие планы, мне бы не хотелось... Вам вообще не обязательно тратить время на это.

– Зато выполнять обещания – обязательно. Все в порядке. Вы взяли с собой контракт?

– А-а-а-а... да! И я потом еще спрошу кое-что...

– Разумеется, – кивнул Алекс. – Сегодня запоминайте адрес школы, а с понедельника будете ездить сюда сами. Руководство по управлению и правилам езды вам дадут с собой. Что касается поездок... Сюда ходят omnibuses, но это слишком долго. На некоторых вещах экономить нельзя, и время – одна из них. Привыкайте, что ваше время стоит дорого.

Он достал из бумажника заполненный чек на предъявителя и протянул его Маред.

– Не нужно, – мгновенно вспыхнула девчонка. – У меня есть деньги!

– На кэб – возможно. А наш уговор про новые вещи вы помните? Время на исходе, и я сомневаюсь, что вас действительно устроит ходить дома без одежды. Хотя повторяюсь – лично я не против.

– Ваша светлость! Неужели вы не понимаете?

Девчонка разве что иглами не оцетинилась, как ёж или экзотический зверь-дикобраз.

– Нет, – бесстрастно отозвался Алекс. – Вернее, я понимаю это иначе. Для вас это будет крупной незапланированной тратой, для меня – пустяковыми расходами.

– Я... – Маред вдохнула, выдохнула, упрямо мотнула головой. – Не можете вы не понимать.

Насупившись, она уставилась в переднее стекло мобилера. Губы обиженно распухли, а на шее забились тонкая жилка, ранее незаметная.

– Не обижайтесь, – тоже вздохнул Алекс, призывая на помощь все свое терпение. – В чем-то вы правы. И брать вас на содержание я не собираюсь, поверьте. Но поскольку это я настаиваю на смене вашего гардероба в своих интересах, мне его и оплачивать. Следовательно – вы мне ничем не обязаны. Считайте, что это... – он хотел сказать «униформа», но вовремя осекся, не без иронии решив, что не стоит давать добродетельной тье лишний повод оскорбиться – мой каприз, обязательный к исполнению. Заодно поучитесь общаться с модистками. А ваша учеба в любой сфере как раз под моей ответственностью.

– Под вашим контролем, скажите вернее, – все еще обиженным тоном съязвила Маред.

– Это одно и то же. Для меня во всяком случае. Трудно контролировать то, за что не отвечаешь, и наоборот, – улыбнулся Алекс.

На душе у него труднообъяснимым образом потеплело. Да, он привык оплачивать своих любовниц. Их ответная благодарность была приятна, но иначе, свысока, в рамках отношений покровителя и фаворитки. Незабудка присылала

ему все счета, Анри никогда ничего не просила, но принимала дорогие безделушки и наряды, которые ему искренне нравилось ей дарить. Маред же упорно пыталась остаться с ним если не на равных, то хотя бы в достойном положении. Не сравнить с той же Незабудкой, время от времени устраивающей набег на магазины с чековой книжкой Алекса. Разумеется, ему не было жалко денег, а для фаворитки такое поведение не является предосудительным, но... В Маред Уинни ему такого увидеть не хотелось. С другой стороны, попроси девочка о чем-то, что может доставить ей радость...

Алекс снова с иронией подумал, что окончательно запутался, а еще тье Уинни обвинял в проблемах с логикой. Что ж, неважно. Этот раунд остался за ним, а там видно будет. Они подъехали к воротам школы.

* * *

Поняв, что за ошибки ее никто не ругает, а, напротив, наставник радуется возможности объяснить и показать, Маред окончательно успокоилась и вошла во вкус. После часа за рулем голова стала ясной-ясной, а все сложности налоговой оптимизации и франкского тендера не исчезли из мыслей, но перестали казаться такими пугающими, и Маред искренне наслаждалась этой легкостью. Тело, правда, ныло, хотя поначалу казалось, что крутить руль и вовремя нажимать на нужные рычаги совсем не сложно. А вот ведь – устала!

Зато под конец занятий ей позволили просто покататься по огромной ровной площадке, размеченной цветными линиями, и, хотя рядом сидел наставник, Маред в полной мере снова ощутила напряженное удовольствие чувствовать мощь послушной машины. Здесь, конечно, мобилер был куда меньше «Драккаруса», но все-таки! Время пролетело стремглав, Маред совершенно забыла, что этот час чистого незамутненного счастья кончится – и нужно будет ехать в особняк... Выходя на подгибающихся от усталости ногах к воротам, она чувствовала себя на вершине блаженства. И даже вид Монтроза, сосредоточенно изучающего контракт, не смог окончательно испортить ей настроение.

Контракт, между прочим, она заранее подготовила именно так, как показал в прошлый раз королевский стряпчий. Выделила цветом, подчеркнула нужное, сделала пометки на полях. Только все ухищрения показались жалкими, потому что, читая эту, уже исправленную, версию, Монтроз хмурился. Садясь в машину, Маред настороженно глянула на исчерканные рукой лэрда листы, но прочитать

записи, сделанные тонким автоматическим пером, не получалось.

– Если не возражаете, заедем в кофейню, – сообщил лэрд. – Заодно и обсудим.

Маред молча кивнула: недавнее счастье стремительно испарялось из души.

Кофейню лэрд выбрал уютную, но далеко не роскошную, чуть ли не первую из попавшихся, видно, вправду был голоден. Конечно – девятый час вечера. Маред даже почувствовала укол совести, это ведь из-за нее Монтроз так задержался в городе. И зачем ему уделять столько времени и внимания, не говоря о тратах, чтобы научить ее водить мобилер? Ему бы, наоборот, в полной мере использовать возможность побыть с ней наедине, раз уж он купил эту возможность так дорого. Мотивы Монтроза были решительно непонятны, и Маред отложила размышления на потом, благо хватало более насущных дел.

Им принесли омлет с грибами и сыром под лангедокским соусом, тарталетки, запеченную ветчину и яблочный пудинг – не слишком изысканно, но сытно и вкусно. Монтроз ел с аппетитом здорового голодного человека, Маред старательно жевала, чувствуя, что это вроде бы приятно, но сосредоточиться на еде никак не получалось, потому что между ними на краю стола лежал проклятый контракт. Неужели дома нельзя было посмотреть?

Словно отвечая на не заданный вслух вопрос, Монтроз взял верхний лист, и Маред обнаружила, что его светлость уже поел, а сама она гоняет вилкой листик салата по незаметно опустевшей тарелке вилкой.

– Как вы думаете, Маред, какова моя главная претензия?

Вопрос был задан спокойно, благожелательно и без малейших признаков издевки в тоне. Маред честно подумала, уже привычно начала краснеть, но все же выдавила:

– Мало... уступок с моей стороны?

– Видите? – кивнул лэрд. – Вы и сами все прекрасно понимаете. Контракт составляется, чтобы удовлетворить обе стороны. И если одна изначально думает только о себе, это плохая работа стряпчего. Некачественная.

– А почему я должна заботиться о ваших интересах? – возмутилась Маред. – Вы и сами это можете!

– Могу, – со смешком согласился лэрд. – И еще как. Уверены, что хотите этого?

Маред молча помотала головой, опустив глаза в пустую тарелку.

– Давайте посмотрим еще раз, – сжалился через полминуты молчания Корсар. – Дело не в моем удовольствии, а в том, что вы не можете поставить себя на место партнера. Точнее, не хотите. Попробуйте сыграть на моей стороне, Маред. Найдите такой вариант, который устроит меня и не станет воплощением ваших кошмаров наяву.

Маред послушно потянула к себе листы и не сразу поняла, что Монтроз встает и обходит столик, садясь рядом. В кофейне было почти пусто, лишь официант за стойкой занимался своими делами. И лэрд вел себя прилично, слегка облокотившись на столик и совершенно не пытаясь прижаться к Маред или коснуться ее. Только Маред все равно ощутила, как по спине бегут мурашки. Нет, целые жуки: крупные, тяжелые, с холодными толстыми лапками... Она попыталась отодвинуться, но справа, как назло, торчала кадка с чахлой пальмой, не давая сдвинуть стул. Монтроз покосился на нее, то ли насмешливо, то ли раздраженно дернул уголок рта и немного отодвинулся сам – даже дышать стало легче.

– Смотрите, – показал он тонким жалом ручки на место, которое Маред, сомневаясь, перечитывала раз десять. – Это мы уже пробовали.

Пункт касался использования «игрушек». У Маред кровь бросилась в щеки, уши, шею. Пробовали, да... Дыхание перехватило, в горле встал ком. Неужели будет насмехаться?!

– Формулировка, – бесстрастно подсказал Монтроз. – Добавьте возможность наложить вето и свяжите обязательность добровольного согласия с возможностью выбора.

– Это как? – беспомощно спросила Маред.

– Вариативно, – терпеливо повторил лэрд. – Маред, вы же понимаете, что ничего страшного в этом нет. И уж из пяти-шести вариантов обычно выбрать можно.

– Я... – услышала она себя как со стороны, – не могу. Не могу и не хочу. Я, наверное, сделала глупость с этим контрактом... Простите...

Он сидела, опустив голову, чувствуя, как позорные слезы каплют на накрахмаленную скатерть, белые в розанах тарелки, скомканную салфетку, розовым пятном расплывающуюся перед глазами. И слушала сквозь шум в ушах негромкий ясный голос.

– Маред, вы просто устали. Я понимаю... Контракт – это ваш выбор, вы можете и вовсе от него отказаться. Давайте подумаем об этом позже. Маред, девочка...

В этот раз так злившее ее словечко «девочка» почему-то не раздражало. А может, просто не было сил на злость. Она послушно поднялась и вышла за расплатившимся лэрдом, села на заднее сиденье вместе переднего – и Монтроз ничего не сказал. Стемнело, иногда на обочине дороги попадалась остановка омнибуса с зажженным фонарем. Маред бездумно ловила взглядом эти огни, летящие мимо, и дорога шелестела под каучуковыми колесами «Драккаруса». Слезы мгновенно высохли на горячих щеках, но даже стыда Маред не чувствовала – просто пустоту в душе. Сидела, смотрела на дорогу, не видя ее, дышала в открытое окно ночной свежестью, смешанной с запахом пыли и, почему-то, апельсинов. А может, апельсинами пахло в мобилере? Монтроз не стал включать музыку, и Маред мельком испытала благодарность за тишину, вот, пожалуй, и все чувства, что у нее остались.

А потом она поняла, что мобилер стоит у обочины дороги, и место ей знакомо: впереди, перечеркнутая серебристой лунной дорожкой, струится река, вода темна, но зыбко-прекрасна, и вокруг покой, о котором можно лишь мечтать. Монтроз молча вышел из мобилера, и Маред, посидев минуту, пошла следом.

Он сидел на толстом бревнышке у кострища, где они в прошлый раз так и не разожгли огонь – из-за боязни Маред, разумеется. И снова повеяло запахом дыма от волос и кожи Монтроза, речной сыростью, страхом и постыдным горячим удовольствием. «Приручение, – подумала Маред отстраненно. – Он меня приручает, как зверька. Воспитывает, приучает к рукам. За хорошее поведение гладит и кормит лакомствами... Но если сейчас хоть пальцем прикоснется –

уйду. Вот прямо пешком уйду в город...»

– Идите, искупайтесь, – с непредставимой обыденностью сказал Монтроз, сползая с бревна и растягиваясь на траве лицом к ночному небу. – Полотенца, правда, нет. Поэтому снимайте все – я не буду смотреть. Потом наденете сухое.

Так же бездумно Маред отошла к воде, даже не удивляясь своему равнодушному согласию, быстро разделась догола. В самом деле, не надевать же потом мокрое белье. А на его светлость – плевать. Вошла в холодную и черную, как закопченное стекло, воду, только мелкая серебряная рябь показывала, где кончается вода и начинается берег. Нырнув, проплыла, сколько смогла, не щадя тщательно уложенной прически, и вынырнула, только задыхаясь.

Время застыло. Она плавала, плескалась и ныряла до изнеможения, не боясь ни судорог, ни коряг на дне. И вылезла, лишь поняв, что руки-ноги налились свинцовой усталостью, а тело не чувствует холода. Отжала волосы, вытерлась рубашкой и с трудом оделась, не попадая непослушными пальцами по пуговицам и застежкам. Корсет даже трогать не стала, едва не рассмеявшись: после черной, почти бездонной пустоты ночной реки натягивать и зашнуровывать атласное орудие пытки? Это выглядело такой нелепицей, что сумасшествие обычного мира сразу вернулось на свое место.

Перекинув через руку мокрую рубашку, корсет и шейный платок – форменный, с корабликами – Маред вернулась к кострищу. Мобилер неярко светил фарами, Монтроз сидел немного в стороне от круга света, но даже так можно было разглядеть, что волосы у него мокрые. Тоже купался? Маред подошла и, по-прежнему не думая, присела рядом. Монтроз снял длинный сюртук и набросил ей на плечи.

Упрямитесь и возмущаться, как она непременно сделала бы раньше, не хотелось. Маред равнодушно сунула руки в рукава: сюртук был приятно теплым, а воздух – холодным, просто ледяным – хоть обратно в воду залезай. Сунув ладони в складки платья, чтоб хоть немного согреть, она спросила равнодушно, будто речь шла о ком-то другом:

– Я действительно порочна, раз могу получить удовольствие, отдаваясь мужчине за деньги?

– Не думаю, – так же спокойно отозвался Монтроз. – Способность получать телесное удовлетворение – это не порок, а дар богов. Деньги здесь решительно ни при чем, телу ведь нравятся не они, а ласки, слова, любовные игры.

– Почему тогда раньше...

Она остановилась не от стыда, а от невозможности правильно объяснить то, что хотела сказать, но Монтроз, кажется, понял.

– Иногда чувственность просыпается слишком поздно или не просыпается вовсе. Иногда принимает странные искаженные формы. Случается, что первый опыт оказывается неудачным или даже калечащим. Давление общественной морали, принуждение или развращение, грубость и безразличие к чужим нуждам, отрицание важности своих желаний... Чувственность похожа на прекрасный, но очень хрупкий цветок, растущий среди множества опасностей. Любая из них – и цветок погибнет или вырастет уродливо искривленным. И потребуются множество усилий, чтобы вернуть ему силу и красоту. Вы не порочны, тье. Вы просто вдруг обнаружили, что не все в вашем теле подчиняется велениям разума. И ладно бы разума, но вы пытались жить так, чтобы ваше тело и душа всецело подчинялись морали – а это плохой садовник. Он предпочитает не растить цветы, а выпалывать их и мостить сад красивой цветной плиткой по линеечке. Ни колючек, ни сорняков, ни гадких червей. Цветов, правда, тоже нет, разве кое-где торчат дозволенные и очень приличные вазоны.

– Понимаю, – сказала Маред, и в этот момент она действительно понимала, о чем говорит лэрд стряпчий. – Но то, что предлагаете вы... Что же, следует совсем отринуть мораль и думать лишь об удовольствии?

– Нет, конечно, – голос Монтроза, сидящего совсем рядом, звучал странно, как издали. – Но вы не станете порочной, просто отдавшись мужчине. Деньги – совсем другой вопрос. Что вас больше беспокоит, Маред? Обвинение в продажности или то, что вам нравится спать с мужчиной? Первое трудно отрицать, но посмотрите вокруг. Общество не считает пороком, когда юная девушка выходит за развратного богатого старика, ведь откровенная продажа тела прикрыта свадебной церемонией. Право же, любая шлюха честнее. При этом ревнители морали осуждают шлюх, торгующих собой, чтобы прокормить семью, но где их помощь, пока эти женщины еще добродетельны? Что касается постельных игр, то повторю еще раз: что вы делаете плохого, чтобы стыдиться? Если вы свободная взрослая женщина, никому не обязанная верностью, то кто

может вам указывать, что делать со своим телом? Наслаждаться любовью так же естественно, как едой, теплом или сном. Вы можете считать, что я вас искалечил, тье, пробудив чувственность. С точки зрения морали это верно, потому что жить по-прежнему вы уже не сможете. Но гусеница, ставшая бабочкой, тоже искалечена с точки зрения других гусениц, ведь небо – такое неприличное и небезопасное место.

Он встал и ушел в кусты, а Маред, замерев, смотрела на темную гладь реки.

«Я непременно подумаю об этом, – решила она. – Лэрд стряпчий убедителен... Но на то он и стряпчий, чтобы оправдать любую точку зрения. И все же... В нашем городке меня посчитали бы безнадежно падшей женщиной, но я-то знаю, что, выйди я замуж за лэрда, и сплетни остались бы за спиной, а в глаза – лесть и лицемерное восхищение. Здесь же, в Лундене, даже фавориткой быть уже почти пристойно, ведь бриллианты и шелка любой даме добавляют респектабельности. И тот, кто брезгливо скривится при виде уличной шлюхи, поцелует руку красавице-фаворитке Монтроза. Смогу ли я жить по правилам этого мира и не потерять себя? И захочу ли потом считать это победой, а не поражением в самом главном бою? Не знаю...»

– Можно я отложу контракт на несколько дней? – сказала она вернувшемуся из кустов Монтрозу, с легким усталым презрением слушая свой бесцветный голос. – Мне нужно подумать...

– Разумеется, – безмятежно согласился Монтроз. – Но пока он не подписан, мы играем по моим правилам, понимаете?

– Да, – кивнула Маред. – Я понимаю. Если меня не устроят правила, я уйду из игры.

«Не уйду, – сказала она про себя с холодной пустой тоской. – Не могу. Но буду молчать об этом, пока возможно. Доверять нельзя никому. Бабочка вольна порхать, где вздумается, раз уж отрастила крылья, но свечей все равно стоит опасаться».

Она села в теплый мобилер, на этот раз рядом с лэрдом, сняла сюртук Монтроза и, аккуратно свернув, положила на заднее сиденье. Собрала листы контракта и сунула в сумочку.

– Завтра я весь день буду в городе, – сказал лэрд, трогая пусковой рычаг. – Если вам куда-нибудь нужно, могу отвезти.

– Нет, благодарю, – отозвалась Маред. – Я лучше поработаю над конкурсным проектом. Времени и так мало – всего неделя.

ГЛАВА 5. Нет подарка дорожке времени

На следующий день лэрд не вернулся домой. Позвонил из города тье Эвелин и предупредил, что приедет лишь в понедельник вечером. И сообщил, что тье Уинни следует в понедельник отвезти в контору, а после занятий забрать из школы вождения. Голос экономки был бесстрастен и очень-очень вежлив, но в глазах что-то мелькнуло, только Маред не смогла сообразить – что. Затем тье Эвелин мило улыбнулась, осведомилась, что подавать на обед, и исчезла в своем волшебном саду.

Поднимаясь вверх, Маред вдруг поняла: экономка уверена, что лэрд остался в Лундене у другой женщины. Самое простое и логичное объяснение, не так ли? И тогда похоже, что Маред ей попросту жаль?

Зайдя в комнату, она присела на кровать, запустила пальцы во влажные после ванной волосы, беспомощно поглядела на экран вычислителя с документом по тендеру. Может, это неправда? Монтроз вполне мог просто задержаться, а у него там апартаменты, те самые, где все началось. Вопрос в том, будет ли лэрд проводить в них время один. Память услужливо нарисовала хрупкую белокурую красавицу с небесными глазами, умелую и готовую абсолютно на все, что может пожелать ее покровитель.

И ведь теперь Маред куда лучше представляла, чего именно лэрд может потребовать от женщины. Предательское воображение показывало картинки одна развратнее другой, опираясь на ее собственные воспоминания. Ремни и наручники, непристойные «игрушки» в пальцах Монтроза, непроницаемое расплавленное серебро его глаз... Она судорожно вдохнула, пытаясь отвлечься. Да что же это! Даже в отсутствие лэрда от него нет покоя. Еще не хватало... Чего именно не хватало, она не успела определить, потому что зазвонил фониль.

Вздвогнув, Маред неохотно потянулася за апаратиком. С некоторых пор она не ждала от звонков ничего хорошего. Но на экранчике высветилось знакомое и все равно неожиданное имя.

– Маред, милочка! – радостно зашебетала Изабель Кармайл. – Где же ты пропадаешь? Я заезжала к тебе домой, твоя хозяйка сказала, что ты за городом!

– Вы... приезжали? Зачем? Что-то не так с дипломом? И я же не отключала фониль...

Другой причины, по которой она могла бы понадобиться рыжему недоразумению, Маред просто не могла придумать. Но диплом хорош! В этом она была уверена. Да она ручалась за каждую работу своей репутацией, иначе давно умерла бы с голоду.

– Ой, причем здесь диплом? – звонко рассмеялась Изабель. – Маред, ну что ты все об учебе! Я хотела пригласить тебя на пикник! Помнишь, я тебе обещала? А приехала сама, чтобы ты не отговоришься, как обычно. Ты же никуда не выезжаешь, так нельзя!

– На пикник? Но... я...

– Да-да, ты была в трауре, я понимаю. И маменька очень тебя одобряет! Она мне все уши прожужжала, как это достойно. Но год уже прошел, ты вполне можешь выезжать! Где ты сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/dana-arnautova/podari-mne-plamya-belaya-vorona>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)